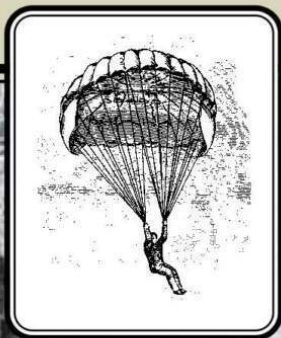

ВИТАЛИЙ ВОЛОВИЧ

ПОЛЯРНЫЕ ДНЕВНИКИ

УЧАСТНИКА СЕКРЕТНЫХ ПОЛЯРНЫХ
ЭКСПЕДИЦИЙ 1949–1955 гг.

Виталий Волович

**Полярные дневники участника
секретных полярных
экспедиций 1949-1955 гг.**

«Паулсен»

1949-1955

УДК 910.4
ББК 26.8Г

Волович В. Г.

Полярные дневники участника секретных полярных экспедиций
1949-1955 гг. / В. Г. Волович — «Паулсен», 1949-1955

ISBN 978-5-98797-354-7

Волович Виталий Георгиевич — знаменитый полярник, участник четырёх арктических экспедиций, флагманский врач Высокоширотных воздушных экспедиций, участник первого в мире прыжка с парашютом на Северный полюс (1949 г.); военный врач — он первым осмотрел Юрия Гагарина после возвращения из космоса, основоположник медицины выживания в СССР, автор многочисленных книг и дневников. Эта книга - второе издание дневников Виталия Георгиевича Воловича — уникального, легендарного человека, учёного с большой буквы, врача-исследователя, путешественника, полярника, талантливого писателя и поэта, 100-летний юбилей которого отмечается в 2023 году. Автор книги был участником четырёх секретных арктических экспедиций. В книге он рассказывает о "Севере-4", "Севере-5", "Северном полюсе — 2" и "Северном полюсе — 3". Будучи человеком весёлым и остроумным, Волович пишет о буднях полярников живо, ярко и легко. Через призму биографии выдающегося врача-исследователя, учёного, основателя медицины выживания и натуральных полярных исследований мы обращаемся к героическим фактам истории нашей Родины, космонавтики и авиации, достижений научной прикладной медицины. На примере В.Г. Воловича, его современников и последователей показываем, что мужество, стойкость, генетически закреплённый опыт преодоления трудностей и природная гибкость ума русского человека позволяют выживать и достигать поставленной цели в самых сложных, экстремальных условиях. "Нигде так не проявляется величие человека, его мужество, героизм, как на Севере", — сказал легендарный советский полярник И.Д. Папанин. Книга будет интересна всем, кто интересуется историей полярных экспедиций и исследований. В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 910.4

ББК 26.8Г

ISBN 978-5-98797-354-7

© Волович В. Г., 1949-1955

© Паулсен, 1949-1955

Содержание

Предисловие	7
Часть 1	16
С парашютом на полюс	16
Северный полюс – Москва	31
Часть 2	34
Мечты сбываются	34
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Виталий Георгиевич Волович

Полярные дневники участника секретных полярных экспедиций 1949–1955 гг

© В.Г. Волович, наследники, 2023

© ООО «Паулсен», 2023

Оргкомитет по проведению мероприятий, посвящённых 100-летию со дня рождения основателя медицины выживания В.Г. Воловича

Председатель:

АРТУР НИКОЛАЕВИЧ ЧИЛИНГАРОВ, президент МОО Ассоциация полярников, первый вице-президент Русского географического общества, Герой СССР, Герой России

Заместители:

ВЛАДИМИР СЕМЁНОВИЧ ЧУКОВ, генеральный директор Экспедиционного центра «Арктика», заслуженный мастер спорта СССР, путешественник, действительный член РГО, почётный полярник

ЮРИЙ АЛЕКСЕЕВИЧ ГОЛЬЦЕВ, к. м. н., врач-профпатолог, сотрудник лаборатории № 8 ГНИИИ АиКМ МО СССР (при В.Г. Воловиче), действительный член РГО

Члены оргкомитета:

ИГОРЬ ПЕТРОВИЧ БОБРОВНИЦКИЙ, член-корреспондент РАН, председатель комитета по арктической медицине МОО АСПОЛ, сотрудник лаборатории № 8 ГНИИИ АиКМ МО СССР (при В.Г. Воловиче)

ИГОРЬ БОРИСОВИЧ УШАКОВ, академик РАН, сотрудник ГНИИИ АиКМ МО СССР (при В.Г. Воловиче), в 1990-е гг. начальник ГНИИИ АиКМ МО СССР

ИВАН ЛЕОНИДОВИЧ ДЕРЕВЯНЧЕНКО, председатель наблюдательного Совета ЭЦ «Арктика», член МОО АСПОЛ

ВЛАДИМИР СЕМЁНОВИЧ КОШЕЛЕВ, почётный полярник, член МОО АСПОЛ, начальник дрейфующей полярной станции СП-32 (апрель 2003 г. – март 2004 г.)

СЕРГЕЙ БОРИСОВИЧ РОМАНОВ, директор отделения Международной академии наук экологии безопасности человека и природы

МИХАИЛ НИКОЛАЕВИЧ ХОМЕНКО, главный научный сотрудник Центра АКМ и ВЭ МО РФ (преемник ГНИИИ АиКМ МО СССР)

ОЛЕГ БОРИСОВИЧ ЧЕРНЯХОВСКИЙ, начальник ФГБУЗ ЦМСЧ № 119 ФМБА России

ВЛАДИМИР ГРИГОРЬЕВИЧ ЩЕРБИНСКИЙ, руководитель Центра испытателей ЦПК

Предисловие

Книга, которую вы держите в руках, – это второе издание дневников Виталия Георгиевича Воловича – уникального, легендарного человека, учёного с большой буквы, врача-исследователя, путешественника, полярника, талантливого писателя и поэта и нашего большого друга и наставника, 100-летний юбилей которого мы отмечаем в нынешнем, 2023 году.

Оргкомитет, созданный по инициативе его соратников, учеников и последователей: психолога, врача-профпатолога к. м. н. Ю.А. Гольцева и известного советского и российского полярного путешественника-исследователя, генерального директора Экспедиционного центра «Арктика» В.С. Чукова, – проводит в 2023 году широкую программу празднования этого юбилея.

Основатель медицины выживания Виталий Георгиевич Волович родился 20 августа 1923 года в Гаграх в семье врача. Он прожил яркую, плодотворную и долгую жизнь, связанную в полной мере со знаменательными и эпохальными событиями в жизни страны, в которых он принимал непосредственное участие. Его достижения в отечественной авиации и космонавтике, а также в созданной им медицине выживания связаны с высоким, но осознанным риском, и логично, что они признаны и мировым научным сообществом, и руководством нашей страны.

Через призму биографии выдающегося врача-исследователя, учёного, основателя медицины выживания и натуральных полярных исследований мы обращаемся к героическим фактам истории нашей Родины, космонавтики и авиации, достижений научной прикладной медицины. На примере В.Г. Воловича, его современников и последователей показываем, что мужество, стойкость, генетически закреплённый опыт преодоления трудностей и природная гибкость ума русского человека позволяют выживать и достигать поставленной цели в самых сложных, экстремальных условиях. «Нигде так не проявляется величие человека, его мужество, героизм, как на Севере», – сказал легендарный советский полярник И.Д. Папанин.

В.Г. Волович был первым врачом, осмотревшим Ю.А. Гагарина после приземления, первым в полевых условиях – в точке приземления проводил медицинский осмотр космонавтов П.Р. Поповича, А.Н. Николаева, В.В. Терешковой и В.Ф. Быковского, первым человеком в мире, совершившим прыжок с парашютом в точку географического Северного полюса, первым врачом, обеспечивавшим длительные секретные полярные экспедиции. Он возглавил первую группу врачей-парашютистов для спасения космонавтов в нерасчётной точке приземления, определил цели, направления и методы медицины выживания. А были ещё океанские экспедиции на кораблях «Витязь» и «Михаил Ломоносов», отмеченные благодарностями министра морского флота, командировка в джунгли Вьетнама и Китай, участие в советско-индийских учениях в Заполярье.

Особая страница биографии Виталия Георгиевича связана с сопровождением уникальных экспедиций. В.Г. Волович осуществлял научное руководство научно-спортивными экспедициями: «Человек и пустыня», «Комсомольская правда», «Советская Россия», «Метелица» и др. Наибольший профессиональный интерес представляла работа с членами маршрутных групп Экспедиционного центра «Арктика», готовящимися к первым в мире автономным лыжным переходам к Северному полюсу и автономному лыжному трансполярному переходу Россия – Северный полюс – Канада. С участниками он разговаривал на одном языке, дорожил сведениями о деталях и особенностях рискованных автономных полюсных, горных и морских походов. Члены экспедиций платили ему признательностью и дружеским расположением.

Известный русский путешественник Владимир Семёнович Чуков признаётся, что разговор с напутствиями и рекомендациями «гуру выживания» – В.Г. Воловича – помнит до сих пор. После первой встречи в начале 80-х годов В.Г. Воловича и В.С. Чукова связали тесные отношения, а экспедиционные группы Чукова давали незаменимые достоверные результаты

действий человека в условиях автономного существования в Арктике. Последующие исключительные полярные экспедиции В.С. Чукова, в том числе с участием сотрудников лаборатории выживания ГНИИИ АиКМ, внесли весомый вклад в развитие медицины выживания.

В.Г. Волович утверждал, что в исследованиях выживания лётчиков и космонавтов после вынужденного приземления неприменим олимпийский принцип «главное – участие», необходимо достигать максимальных результатов. Виталий Георгиевич показал прямую дорогу к таким достижениям, следуя от лабораторных исследований к практике натуральных экспериментов в самых сложных условиях Арктики, пустынь, тайги, гор и морских акваторий. Так последовательно, преодолевая высокие риски для жизни и здоровья, достигалась цельность и системность в разработке, к примеру, носимых аварийных запасов (НАЗ), рекомендаций и испытаний средств спасения.

Первые носимые аварийные запасы космонавтов (НАЗ-1, «Вишня», а затем серия «Гранат») и лётчиков (от НАЗ-1 до НАЗ-7М), в последующем и боевой НАЗ-И и первый десантируемый групповой для дальней авиации ДАЗ-ГП, скафандр «Сокол-КВ-2», комплекс поисково-спасательных машин (КПЭМ), морские катера (типа «Гагара», «Ёрш», «Дрозд») для спасения космонавтов из приводнившегося спускаемого аппарата, а также пособия и памятки по выживанию в Арктике, в горах, пустыне, тайге и в морских акваториях разрабатывались при непосредственном участии В.Г. Воловича. Он неоднократно проводил тренировочные занятия с космонавтами и лётчиками по выживанию в различных природных условиях.

В.Г. Волович признан в среде советских и российских полярников – исследователей Арктики А.Ф. Трёшниковым, М.М. Сомовым, М.В. Водопьяновым, А.Н. Чилингаровым, в авиакосмической медицине его в разные годы поддерживали члены РАН О.Г. Газенко, Г.П. Ступаков, И.П. Бобровницкий, И.Б. Ушаков, И.В. Бухтияров, д. м. н. А.С. Барер и др. Он пользовался авторитетом в среде специалистов Минобороны, МЧС и авиационной поисково-спасательной службы России, осваивающих Арктику.

Выпускник ВМА им. С.М. Кирова – капитан медицинской службы В.Г. Волович

В Воловиче удивительным образом сочетались энциклопедически образованный врач-исследователь, настоящий русский офицер, мужественный, рискованный путешественник и поэт-романтик.

На станции СП-3, дрейфующей на льдине в Северном Ледовитом океане, Виталий Георгиевич написал песню «Полярная маркиза» о сгоревшей на СП-2 радиостанции. Для снятия психологического напряжения у полярников по их настойчивой просьбе на СП доставили пианино, и песня зазвучала во льдах в исполнении автора. Её пел также и Леонид Утёсов, с которым Воловича связывали тёплые, дружеские отношения. В последующем он написал «Полярный вальс», много стихотворений и других талантливых произведений.

К Виталию Георгиевичу тянулись люди самого разного общественного положения. Для одних он был надёжной нравственной опорой, для других – источником вдохновения. Судьба свела его со многими замечательными людьми, в том числе с Утёсовым, Бондарчуком, Лепешинской, Фурцевой.

Высокие личностные качества проявились уже на первых шагах в профессиональной карьере будущего легендарного человека. Окончив в 1941 году с отличием школу, Волович в день начала Великой Отечественной войны поступает в ленинградскую Военно-медицинскую

академию им. С.М. Кирова, участвует в обороне города, тушит зажигательные бомбы на крышах ленинградских домов, патрулирует улицы. Медаль за участие в обороне города Волович считал одной из самых дорогих наград.

В период интенсивного освоения Арктики, по окончании в 1946 году академии, он был направлен в воздушно-десантные войска, но уже в 1949 году откомандирован в распоряжение Главсевморпути и стал флагманским врачом высокоширотной экспедиции «Север-4». Виталий Георгиевич вспоминал: «Я был единственным врачом на площади 20 млн кв. км, других врачей там не было. Предстояло оказывать неотложную медицинскую помощь экипажам в случае вынужденной посадки на дрейфующую льдину».

В.Г. Волович на СП-3. Обсуждение новостей с Большой земли

В.Г. Волович проводит врачебный приём на СП-3. Один доктор на несколько миллионов квадратных километров

В знаковый для всех советских людей день 9 мая 1949 года он вместе с А.П. Медведевым совершает первый в мире прыжок с парашютом на Северный полюс. Метеоусловия оценивались как сложные, был риск попасть в разводья между льдинами или разбиться о многометровые торосы, но приземление прошло удачно. В.Г. Волович получает первую высокую награду – орден Красного Знамени. По его ироничному признанию, он был готов носить этот орден даже на нижнем белье, чтобы не расставаться с наградой, получить которую в мирное время врачу было за гранью возможного. Его опыт врача-парашютиста для удалённых и безлюдных районов в будущем смогли применить десантники, в дальнейшем в качестве врача-парашютиста В.Г. Волович встречал и осматривал после приземления первых космонавтов.

В 1951 году В.Г. Воловича включают в следующую экспедицию – «Север-5». В обстановке абсолютной секретности членов экспедиции высаживают в Арктике в точке относительной недоступности на льдину в составе послевоенной дрейфующей станции «Северный полюс – 2». Дрейфующая льдина располагалась более чем в тысяче километров от родных берегов, на 86° с. ш. Вскоре льдина под лагерем неожиданно треснула и разошлась, но полярникам всё же удалось перенести лагерь. На станции СП-2 Волович ведёт врачебный прием, а также отвечает за приготовление пищи и воду.

Экспедиция на дрейфующих льдах в сердце Арктики означала контроль России над самым коротким путём к потенциальному противнику. Она была мощным ответом Советского Союза на фултоновскую речь Черчилля, положившую начало холодной войне. Сложнейшая задача, поставленная высшим руководством страны, успешно выполнена. В.Г. Волович в составе экспедиции после её успешного завершения был принят в Кремле, и Председатель Президиума Верховного Совета Н.М. Шверник вручил ему высший орден государства – орден Ленина.

В 1952 году Виталий Георгиевич становится сотрудником Научно-исследовательского и испытательного института авиационной медицины (в последующем авиационно-космической

медицины – ГНИИИ АиКМ МО СССР), в котором проработает в общей сложности 45 лет. Название института изменялось, но суть работы оставалась постоянной.

Маршрутная группа Экспедиционного центра «Арктика» на Северном полюсе. 17.05.1994.

Слева направо. Вверху: Иван Кужеливский, Владимир Чуков. В центре: Виктор Русский, Василий Рыжков, Виктор Шарнин, Иван Ялин. Внизу: Валерий Таякин, Борис Малышев

«Непромокаемая и непотопляемая» 8-я лаборатория ГНИИИ АиКМ. Слева направо: В.Н. Усков, О.Е. Орлова, В.Г. Волович, О.К. Бычков, И.П. Бобровницкий. В верхнем ряду: Г.Б. Богословов, С.Е. Макаров, М.Б. Натаровский, Ю.А. Гольцев, А.Е. Ляшенко

В 1954–1955 годах В.Г. Волович принимает участие в следующей длительной экспедиции на дрейфующих льдах на станции СП-3, условия на которой, с учётом прошлого опыта, были значительно лучше. Например, появились утеплённые и более просторные палатки.

Важную роль в новаторской и смелой работе Воловича сыграла научная среда в ГНИИИ АиКМ, авторитет среди знаменитых полярников и известных отечественных путешественников, а впоследствии и тесная связь с членами уникальных автономных полярных экспедиций. В ГНИИИ АиКМ была создана творческая атмосфера с высокой требовательностью к научному поиску и научным результатам. Достаточно сказать, что в одном из корпусов института рядом с лабораторией Воловича работали три будущих члена РАН: Бобровницкий И.П. (он был сотрудником лаборатории), Ушаков И.Б. и Ступаков Г.П.

И.П. Бобровницкий был сотрудником лаборатории В.Г. Воловича. Влияние этих, тогда ещё молодых, учёных на научные разработки и испытания в области медицины выживания трудно переоценить.

Страна в те годы уделяла огромное внимание развитию авиации и космонавтики. В ГНИИИ АиКМ, в Петровском парке в Москве, отбирали первых космонавтов, где Виталий Георгиевич ещё до знаменательного полёта познакомился с Ю.А. Гагариным. Научные кадры ГНИИИ АиКМ во главе с выдающимся учёным и организатором в области авиакосмической медицины О.Г. Газенко стали основой для создания ныне знаменитого Института медико-биологических проблем, в котором В.Г. Волович работал с 1983 года после достижения предельного возраста на военной службе, а с 1999 года совмещал работу в обоих институтах.

В 60–70-х годах прошлого столетия, в связи с увеличением сложности и длительности космических полётов, возросла потребность в надёжном обеспечении выживания космонавтов в различных климатогеографических районах. Дело в том, что радиус полётов вертолётов был небольшим, а самолёты могли приземлиться только на специально подготовленных площад-

ках, которых, естественно, в неосвоенной сибирской тайге или в горах не было. Для решения проблемы сокращения сроков спасения создаётся группа врачей-парашютистов под руководством В.Г. Воловича.

Так, приземление Ю.А. Гагарина сопровождалось закручиванием корабля «Восток-1» и задержкой отделения приборного отсека, и даже после успешного катапультирования космонавта был риск его травмирования при спуске на практически неуправляемом парашюте в условиях сильного ветра, сложного рельефа или лесного массива.

Приземление космонавтов А.А. Леонова и П. Беляева в пермской тайге, приводнение в озере Тенгиз В. Зудова и В. Рождественского, приземление В. Лазарева и О. Макарова в Алтайских горах только подтверждали необходимость совершенствования НАЗов, снаряжения и поисково-спасательных средств.

В этот период Волович возглавил уникальную 8-ю лабораторию ГНИИИ АиКМ, разрабатывал и испытывал необходимые для выживания средства и методы. Сотрудники лаборатории О.Г. Бычков, В.Н. Усков, И.П. Бобровницкий, Ю.А. Гольцев, А.Е. Ляшенко, С.Е. Макаров, И.В. Некрасов, М.Б. Натаровский, О.Е. Орлова проводили натурные исследования и испытания в тайге, пустынях, горах и в морских акваториях. С привлечением штатных и нештатных испытателей изучали космические и авиационные носимые аварийные запасы (НАЗ-7, НАЗ-8, НАЗ-7М, «Гранат» и др.), снаряжение, скафандры («Сокол» и «Сокол-КВ-2»), а также средства авиационного, морского и наземного спасения.

Как отмечал главный научный сотрудник ГНИИИ АиКМ профессор В.А. Пономаренко в отзыве на присвоение В.Г. Воловичу учёного звания профессора, он внёс «продуктивный вклад в охрану профессионального здоровья, продление лётного долголетия, в безопасность жизни и труда профессионалов опасных профессий, подготовку научных кадров и создавал школу высшей категории специалистов по выживанию». Нынешняя история развития авиации и космонавтики только подтверждает эти слова и неоценимый вклад Виталия Георгиевича Воловича в становление и развитие отечественной и мировой медицины выживания.

Оргкомитет празднования 100-летия

В.Г. Воловича

Часть 1

С парашютом на полюс

«Многие историки говорят, что Бородинское сражение не выиграно французами потому, что у Наполеона был насморк, что если бы у него не было бы насморка, то распоряжения его до и после сражения были бы ещё гениальнее, и Россия погибла бы и облик мира изменился».
Лев Толстой, «Война и мир»

«Если бы не насморк у Васи Головина, вся бы моя жизнь сложилась иначе».

С парашютом на полюс

Обстановка на Северном полюсе, как известно, несколько иная, чем, например, на Тушинском аэродроме. Сбрасывая на полюс парашютиста, ему надо дать не букет цветов, как во время авиационного праздника, а двухлетний запас продовольствия, палатки, снаряжение, оборудование».
М.В. Водопьянов, «На крыльях в Арктику»

Уже полтора месяца я живу и тружусь на дрейфующей льдине в окрестностях Северного полюса. Точнее, сорок четвёртый день. А если ещё точнее, то это один непрерывный день, известный под названием «полярный». Я уже почти свыкся со своеобразным бытом и особенностями жизни в палатке, похожей на шляпку гигантского подосиновика, утренней помывкой нетающим снегом и туалетными трудностями. Но это не та пушкинская привычка, которая «свыше нам дана» и которая замена счастью, ибо счастье – это само моё пребывание на дрейфующей льдине неподалёку от Северного полюса. Я уже приучился спать, забираясь в спальный мешок, предварительно раздевшись, и не выскакивать из него как угорелый при подозрительных толчках льдины и тревожном треске. Я научился варить пельмени, не превращая их в малосъедобную кашу, жарить вкуснейшие антрекоты – отличные изделия фабрики Микояна. У меня нет приёмных часов, и вход в палатку открыт круглые сутки для всех желающих. Правда, желающих пока немного, разве кто жалуется на резь в глазах из-за нежелания носить тёмные очки, обострение радикулита, что не удивительно при наших экзотических походах «до ветру», зубную боль или плохой сон.

Жизнь на льдине идёт по заведённому распорядку. Самолёты с «прыгунами» на борту с завидной регулярностью то взлетают, отправляясь на очередную точку, то садятся, оставляя отполированные следы от лыж на свежеснеженной пороше.

Вот и сегодня я проснулся (хотел сказать «чуть свет») и нежился в спальном мешке, оттягивая минуту вылезания, так как начальство приказало перед сном тушить горелки и в палатке царил двадцатиградусный мороз.

Тихо постанывал ветер в трубке вентилятора. Позёмка по-мышинному осторожно скреблась в стенку палатки. Где-то тревожно потрескивал лёд. Время от времени с тяжёлым «у-ух» скатывалась ледяная глыба с гряды торосов.

Я лежал, полускрыв глаза, прислушиваясь к этим звукам, которые стали такими привычными за два месяца палаточной жизни на дрейфующем льду в центре Арктики.

Лучи незаходящего полярного солнца с трудом проникали сквозь толстую плёнку наледи, покрывшей круглый глаз иллюминатора, отчего в палатке царил хмурый сумрак. Меблировка палатки была более чем скромной. Две походные койки-раскладушки с кирзовыми кулями спальных мешков с пуховыми вкладышами. Складной столик, заставленный баночками и коробочками с порошками, таблетками и мазями, отсвечивающий потускневшим хромом стерилизатор со шприцами и хирургическими инструментами. Между койками стоял большой фанерный ящик из-под радиозондов с надписью корявыми буквами: «Порт отправления – Москва, порт назначения – Диксон».

Ящик служил обеденным столом, о чём красноречиво свидетельствовали многочисленные пятна всевозможных размеров и расцветок, стопка невымытых алюминиевых мисок и поллитровые эмалированные кружки с коричневыми льдышками чая.

Вместо стульев – четыре десятикилограммовые жестяные банки с пельменями, аккуратно обтянутые толстой мешковиной. Пол в два слоя был застелен оленьими шкурами. Правда, они давно утратили свой первоначальный нарядный вид. Их когда-то пушистый, отличающийся коричневым блеском мех свался, смёрзся, превратившись в скользкий, твёрдый, бугристый панцирь.

Слева от входа притулилась коротконогая газовая плитка на две конфорки. От неё тянулся толстый чёрный шланг к внушительному стальному баллону с жидким пропаном. На ночь плитку обычно гасили, и не столько по соображениям пожарной безопасности, сколько из экономии. По утверждению наших хозяйственников, в спальном мешке из волчьего меха не замёрзнешь даже на полюсе холода, а каждая капля газа, совершив путешествие из Москвы к Северному полюсу, превращается в чистое золото. Однако стоило только выключить газ, как мороз лихо принимался за дело. Вода в ведре промерзала до дна, превращаясь в голубоватый слиток, а красный газовый баллон покрывался нарядным, причудливым узором инея.

Я поднёс к лицу руку с часами. Стрелки показывали восемь утра. С завистью посмотрел на соседнюю койку, где сладко посапывал, забившись с головой в спальный мешок, радист Борис Рожков. Крохотное отверстие, оставленное им для дыхания, обросло пушистым венчиком инея. Оттуда то и дело, словно игрушечный гейзер, выскакивала струйка холодного пара.

Пора вставать. Я взглянул на термометр над кроватью. Восемнадцать градусов мороза! От одной мысли, что сейчас придётся вылезать из мешка, по спине побежали мурашки. Кажется, ко всему можно привыкнуть в полярной экспедиции – к постоянному чувству опасности, неудобствам палаточной жизни, к холоду. Но к вставанию поутру в промёрзшей палатке – никогда!

Чтобы облегчить эту процедуру, необходимо зажечь газ и дождаться, пока в палатке потеплеет. Действую отработанным акробатическим приёмом: не вылезая из спального мешка, приседаю на койке, затем, согнувшись пополам, дотягиваюсь до плитки и зажигаю газ.

Запалив горелки, я с облегчением откинулся на койку и вытянулся в спальном мешке. На фале, протянутом под куполом палатки, висели оставленные на ночь для просушки куртки, унты, меховые носки. Подхваченные потоком нагретого воздуха, они вдруг зашевелились, закачались, словно обрадовавшись долгожданному теплу. Не прошло и пяти минут, как явно потеплело. Дружно сопели горелки. Я закрыл глаза. И вот в какой уж раз перед моим мысленным взором возникли скалистые берега Северной Земли. Здесь произошло моё крещение Арктикой, и какие-то невидимые узы связали меня с ней навсегда.

В палатке было холодно, и я всё раздумывал, вставать или не вставать. Шум, раздавшийся у входа, заставил меня открыть глаза. Кто-то, топоча, отряхивал снег, прилипший к унтам. Через несколько мгновений откидная дверь в палатку приподнялась и внутрь неё просунулся сначала один рыжий меховой унт, за ним другой, и, наконец, передо мной выросла знакомая, запорошённая снегом фигура Василия Канаки – аэролога экспедиции и моего первого паци-

ента, которому я по ошибке всучил вместо бодрящих таблеток снотворное. Однако это недоразумение положило начало нашей крепкой дружбе, несмотря на значительную разницу в годах.

– Кончай валяться, док, – сказал он, присев на край кровати. – Сегодня грешно разлёживаться. Девятое мая. Давай одевайся, а я, если разрешишь, займусь праздничным завтраком.

Пока я, стоя на кровати, натягивал на себя меховые брюки, свитер, суконную куртку, Канаки поставил на одну конфорку ведро со льдом, на другую – большую чугунную сковородку, достал из ящика несколько антрекотов, завернутых в белый пергамент, и брусок сливочного масла. Затем, обвязав шнурком буханку замёрзшего хлеба, подвесил её оттаивать над плитой.

– Вы, Василий Гаврилович, распорядитесь по хозяйству. Будьте как дома. Пойду принимать водные процедуры, – сказал я, втискивая ноги в унты, которые за ночь от мороза превратились в деревянные колодки.

– Смотри не превратись в сосульку, а то, не ровён час, оставишь экспедицию без доктора, – отозвался Канаки.

Обернув шею махровым полотенцем, сжимая в руке кусок мыла, я выскочил из палатки. Ну и холодина! Наверное, градусов тридцать. И ветер. Промораживает до костей. Умывальником служил длинный пологий сугроб, образовавшийся с подветренной стороны палатки. Я торопливо сгрёб охапку пушистого рыхлого снега и начал так неистово тереть руки, словно решил добыть огонь трением. Сначала сухой замороженный снег не хотел таять. Мыло отказывалось мылиться, но я продолжал умывание, пока во все стороны не полетели бурые мыльно-снежные брызги. Следующая охапка снега – на лицо. Оно запылало, словно обваренное кипятком. Не снижая скорости, я растёрся полотенцем и пулей влетел обратно в палатку. Уф-ф, до чего же здесь хорошо! Теплынь. От аромата жаренного с луком мяса рот наполнился слюной.

Борис уже оделся и усердно помогал Гаврилычу накрывать на стол, на котором стояла тарелка с дольками свежего лука, нарезанная по-мужски крупными кусками копчёная колбаса и запотевшая бутылка без этикетки.

Скрип снега возвестил о приходе нового гостя. Это был Володя Щербина. В недавнем прошлом лихой лётчик-испытатель, о чём красноречиво свидетельствовали четыре ордена Красного Знамени, он не сразу отважился перейти в «тихоходную» авиацию. Всё решила случайная встреча с известным полярным лётчиком А.Г. Крузе. Полгода спустя он уже сидел за штурвалом полярного Си-47.

– Здорово, братья-славяне! С праздником! А вот это, так сказать, мой личный вклад в общее дело, – сказал он, доставая из глубокого кармана кожаного «реглана» бутылку армянского коньяка. – Сейчас народ ещё подойдёт. Весь наш экипаж, не возражаете? – Он присел на банку из-под пельменей, расстегнул «реглан» и... задремал. Сказалась усталость от напряжённых полётов последних дней.

Тем временем Борис успел перелить воду, полученную из растаявшего льда, из ведра в большую кастрюлю, вскрыть банку с пельменями. Все нетерпеливо поглядывали на кастрюлю, из которой доносилась глухая воркотня.

Наконец Борис снял крышку и, глубокомысленно хмыкнув, заявил, что «пельмень всплыл и можно начинать».

– Сейчас мы ещё строганинки организуем, – сказал Щербина, поднимая с пола свёрток, в котором оказалась отличная крупная нельма. Скинув «реглан», он извлёк из кожаных ножен матово поблёскивающий охотничий нож с красивой наборной рукояткой из плексигласа, уткнул закаменевшую на морозе рыбину головой в рант ящика и пилящими движениями снял тонкий слой кожи с мясом.

– Ну как? Пойдёт?

– Толстовато, сынок, – критически заметил Канаки. Уж он-то знал толк в этом деле и за свои многолетние скитания по Арктике съел строганины больше, чем мы все, вместе взятые.

– Виноват, исправлюсь, – сказал Володя, и следующая полоска, тонкая, полупрозрачная, завилась, словно древесная стружка.

Пока Щербина строгал нельму, я извлёк из кухонного ящика бутылку с уксусом, пачку чёрного перца, банку горчицы, налил полную тарелку уксуса, добавил две столовые ложки горчицы, от сердца насыпал перца и, тщательно размешав, торжественно поставил адскую смесь для макания строганины в центр стола.

– Вот это воистину по-полярному. Тебя, док, ждёт яркое кулинарное будущее. (Увы, время показало, что Канаки не ошибся.) К такой закуске не грешно налить по двадцать капель.

Мы подняли кружки. За стеной послышался звук шагов. Кто-то подбежал к палатке.

– Эй, в палатке! Доктор дома?

– Дома. Заходи погреться, – отозвался я, обильно посыпая свою порцию пельменей чёрным перцем.

– Давай быстрее к начальнику. Кузнецов срочно вызывает.

– Вот тебе, бабушка, и Юрьев день, – недовольно пробурчал Канаки. – И чего им там неймётся в праздник!

– А может, случилось что? – осторожно предположил Рожков.

– Случилось не случилось, а идти надо, – сказал я, поднимаясь и нахлобучивая на голову мохнатую шапку. – Начинайте пока без меня.

Палатка штаба была недалеко, но пока я добежал до неё, меня охватило смутное чувство тревоги: неужели действительно случилась авария? Надо сказать, все эти месяцы я жил в состоянии постоянного внутреннего напряжения. Это чувство гнездило где-то глубоко в подсознании: читал ли я книгу, разрубал ли снег на взлётной полосе, отогревался ли в спальном мешке, беседовал ли с ребятами в минуты отдыха или долбил лунку в ледяной толще здесь, в самом центре Северного Ледовитого океана, за тысячи километров от земли, я был единственным врачом, и ответственность за благополучие, здоровье, а может быть, и жизнь товарищей по экспедиции тяжким грузом лежала на моих едва окрепших плечах.

Правда, до сегодняшнего дня моя медицинская практика была довольно скромной. У одного разболелось горло, другой порезал руку, у третьего случился приступ радикулита. Иногда, постанывая от зубной боли, заходил какой-нибудь «полярный волк» и, держась за щеку, с ужасом взирал на кипящие в стерилизаторе кривые щипцы. Но кто знает, что случится завтра. Ведь Арктика может преподнести самый неожиданный сюрприз. И тогда... Не хотелось думать, что тогда. Хорошо, если льдина, на которой очутился пострадавший экипаж, будет ровной, без трещин и торосов, и самолёт, вылетевший на помощь, сможет совершить посадку. А если не самолёт? Впрочем, на этот случай в тамбуре моей палатки-амбулатории, тщательно укрытые брезентом, лежали две сумки. Одна с парашютами – главным и запасным, уложенными ещё в Москве, другая медицинская – аварийная, с хирургическими инструментами в залитом спиртом стерилизаторе, бинтами и медикаментами. Так что, если бы потребовалось, я был готов немедленно вылететь на помощь и прыгнуть на льдину с парашютом.

Потоптавшись у входа, чтобы перевести дух, я приподнял откидную дверь, сбитую из десятка узких реек, окрашенных голубой краской, и решительно шагнул через высокий порожок.

Штабная палатка была просторной, светлой. Четыре пылающие конфорки излучали приятное тепло. Пол был застелен новыми оленьими шкурами. Их ещё не успели затоптать, и коричневый мех был пушистым, отливал блеском. Вдоль стенок располагались койки-раскладушки, по три с каждой стороны. У первой, слева от входа, стоял на коленях мужчина в толстом, ручной вязки коричневом свитере, меховых брюках и собачьих унтах с белыми подпалинами. Круглое смугловатое лицо было изрезано глубокими морщинами. Короткий ёжик чёрных с густой проседью волос придавал ему спортивный вид. Перед ним на брезенте, постеленном поверх спального мешка, валялись детали разобранного киноаппарата. Одну он держал

в руке, тщательно протирая ослепительно-белым куском фланели. Это – главный кинооператор экспедиции Марк Антонович Трояновский. Его имя стало известным ещё в тридцатых годах, когда весь мир увидел кинокартины, снятые молодым кинооператором «Союзкино» во время исторического похода ледокола «Сибиряков» через шесть полярных морей¹.

Спустя пять лет, 21 мая 1937 года, он в числе первых тридцати смельчаков высадился на дрейфующей льдине у Северного полюса, увековечив на плёнке подвиг советских полярников. А сегодня он с другим кинооператором, Евгением Яцуном, вёл кинолетопись нашей экспедиции. И, надо честно признаться, многие из нас норовили «случайно» попасть на прицелы их кинообъективов.

Услышав звук откидной дверцы, Трояновский повернул голову, улыбнулся и, сказав: «Привет, доктор», – как-то заговорщицки подмигнул. Это было совсем не похоже на Марка, обычно весьма сдержанного и даже несколько суховатого. Однако именно поэтому я вдруг сразу успокоился: ну не станет же Трояновский улыбаться, если случилось что-то серьёзное. Оглядевшись, я увидел, что в палатке довольно много народу. На одной из раскладушек, расстегнув коричневый меховой «реглан», Михаил Васильевич Водопьянов, один из первых лётчиков – героев Советского Союза, что-то вполголоса оживлённо рассказывал Михаилу Емельяновичу Острекину – заместителю начальника экспедиции по научной части. Присев на корточках перед газовой плиткой, колдовал над чайником штурман Вадим Петрович Падалко, которого многие побаивались из-за острого языка.

Начальник экспедиции Александр Алексеевич Кузнецов сидел в дальнем углу палатки, склонившись над картой. Тёмно-синий китель морского лётчика с золотыми генеральскими погонами ладно сидел на его атлетической фигуре. На вид ему было лет сорок пять – пятьдесят. Но его моложавое, обветренное лицо и ярко-синие глаза странно контрастировали с густыми, слегка вьющимися, совершенно седыми с желтизной волосами. Ходил он всегда каким-то прищущим ему уверенным шагом, придававшим особую весомость его походке. И при всей мужественности и решительности облика говорил он, никогда не повышая голоса. Никто и никогда не слышал, чтобы он изменил своей привычке, даже распекая подчинённого. Видимо, поэтому полярные летуны между собой называли его «тишайшим». Он пришёл в Арктику ещё в войну, командуя авиацией Северного флота, а в 1948 году был назначен начальником Главного управления Северного морского пути.

Карта Центрального полярного бассейна, лежавшая перед Кузнецовым, занимала два сдвинутых стола. Она вся была расцвечена красными флажками, квадратиками, пунктирами, перекрещивающимися линиями и ещё какими-то другими многочисленными значками.

Рядом с Кузнецовым с толстым красным карандашом в руке главный штурман экспедиции Александр Павлович Штепенко – небольшого роста, сухощавый, подвижный, с золотой звёздочкой Героя Советского Союза на морском кителе. Это он в составе первых боевых экипажей в августе 1941 года вместе с Водопьяновым летал бомбить Берлин. А в 1942 году вместе с лётчиком Э.К. Пуссепом возил через Атлантику в Соединённые Штаты правительственную делегацию. Это о нём говорили в шутку однополчане: «...как в таком маленьком – и столько смелости». У края стола пристроился помощник начальника экспедиции по оперативным вопросам Евгений Матвеевич Сузюмов. Он что-то быстро записывал, время от времени проводя рукой по гладко зачёсанному назад чёрным волосам. К Сузюмову я с первых дней экспедиции испытывал особую дружескую симпатию, и, кажется, это было взаимным. Я пристально смотрел на него, надеясь прочесть в его глазах ответ на волновавший меня вопрос.

¹) Летом 1932 года советская экспедиция на ледокольном пароходе «Сибиряков» под руководством О.Ю. Шмидта впервые в истории полярного мореплавания в одну навигацию прошла Северо-Восточным проходом (Северный морской путь) из Архангельска в Тихий океан за два месяца и пять дней.

Но он продолжал невозмутимо писать, словно и не замечая моего прихода. Я хотел доложить о своём прибытии, как вдруг Кузнецов поднял голову.

– Здравствуй, доктор, – сказал Кузнецов. – Как идут дела?

– Всё в порядке, Александр Алексеевич.

– Больные в лагере есть?

– Двое, немного загрипповали. Но завтра уже будут на ногах.

– А сами как, не хвораете?

– Врачу не положено, – ответил я и подумал: «Что это начальство вдруг моим здоровьем заинтересовалось?»

– Прекрасно. Кстати, сколько у вас прыжков с парашютом?

Я насторожился.

– Семьдесят четыре.

– Семьдесят четыре. Неплохо. А что бы вы, доктор, сказали, – продолжал он, пристально глядя мне в глаза, – если бы мы предложили семьдесят пятый прыжок совершить на Северный полюс?

На полюс? От неожиданности у меня даже дыхание перехватило. Конечно, много раз, лёжа в спальном мешке, я думал о возможности совершить прыжок с парашютом где-нибудь в Ледовитом океане на дрейфующую льдину. Но на полюс! Так далеко я не заходил даже в самых смелых своих мечтах.

– Ну как, согласны?

– От радости в зобу дыханье спёрло, – весело пробасил из угла Водопьянов.

– Ему с пациентами жаль расставаться, – ободряюще улыбнувшись, сказал Сузюмов.

– Значит, согласны? – спросил Кузнецов.

– Конечно, конечно, – заторопился я, словно боясь, что Кузнецов возьмёт да и передумает.

– Прыгать будете вдвоём с Медведевым. Знаете нашего главного парашютиста?

– Знаю, Александр Алексеевич.

– Он уже вылетел с Бардышевым с базы номер два и через час-полтора сядет у нас. Не так ли, Александр Павлович?

– Точнее, через один час пятнадцать минут, – сказал Штепенко.

– Выбрасывать вас будет Метлицкий. Он уже получил все указания. Вылет в двенадцать по московскому времени. Примерно к 13 часам самолёт должен выйти в район полюса. Там Метлицкий определится и подыщет с воздуха площадку для сброса парашютистов. Площадку он будет выбирать с таким расчётом, чтобы можно было посадить самолёт как можно ближе к месту вашего приземления. Ну а если потребуется что-то там подровнять, подчистить, тут уж придётся вам с Медведевым самим потрудиться.

– Им бы бульдозер сбросить заодно, – посоветовал с самым серьёзным видом Падалко.

– Всей операцией будет руководить Максим Николаевич Чибисов (начальник полярной авиации). Я надеюсь, вы понимаете, доктор, сколь серьёзно задание, которое мы поручаем вам с Медведевым. Серьёзно и почётно. Вам доверено быть первыми в мире парашютистами, которые раскроют купола своих парашютов над Северным полюсом. Смотрите не подведите. Но это одна сторона дела. Другая, и, может быть, ещё более важная для авиации, – оценка возможности прыгать с парашютом в Арктике. Постарайтесь выявить особенности раскрытия парашюта, снижения, управления им, приземления. Вообще всё, что только возможно, от прыжка до приземления, а точнее, приледнения. Вопросы есть?

– Нет.

– Тогда, не дожидаясь прилёта Медведева, готовьте парашюты, снаряжение. Тщательно продумайте, что взять с собой. Не забудьте захватить запас продовольствия дней на пять и палатку. Чтобы всё это было на борту у Метлицкого на всякий случай.

– Разрешите идти?

– Действуйте, – сказал Кузнецов. – Когда всё будет готово, доложите.

– Подождите минуточку, Виталий Георгиевич, – вдруг сказал Сузюмов. – Хочу вам процитировать Михаила Васильевича. Он уже однажды писал о парашютных прыжках на Северный полюс. Это когда решался вопрос о высадке станции на полюсе.

– Это когда было? – удивился Водопьянов. – Что-то я запамятовал.

– Если хотите, я сейчас прочту, – улыбнулся Сузюмов, доставая из-под койки книгу Водопьянова «На крыльях в Арктику». Он перелистал несколько страниц. – Вот: «*Обстановка на Северном полюсе, как известно, несколько иная, чем, например, на Тушинском аэродроме. Сбрасывая на полюс парашютиста, ему надо дать не букет цветов, как во время авиационного праздника, а двухлетний запас продовольствия, палатки, снаряжение, оборудование*».

Покинув штабную палатку, я бегом отправился домой. Не успел приподнять входную дверь, как на меня посыпался град вопросов: зачем вызывали? Что случилось?

– Ну давай, не темни. А то вид у тебя больно торжественный, – сказал Щербина.

Наверное, меня и впрямь распирало от гордости, и я выпалил:

– Кузнецов разрешил прыгать на полюс!

– С места или с разбега? – спросил ехидно Канаки.

– Да нет, с парашютом, – ответил я, не оценив глубины Васиного юмора.

– Тогда за нашего доктора-парашютиста, – провозгласил Володя, разливая по стаканам коньяк, который они честно сохраняли до моего прихода.

– Точнее будет, за парашютистов, – поправил я. – Прыгать будем вдвоём с Андреем Медведевым.

– Ну, это ас. Он на полюс сможет даже без парашюта выпрыгнуть, – сказал Дима Морозов, штурман из экипажа Ильи Котова.

– Прыгать будем сегодня. В двенадцать с машины Метлицкого. Так что тебе, Володя, как второму пилоту, придётся нас выбрасывать.

– Сделаем всё, – сказал Щербина, – а пока пельмешек поешь, это прыжкам не помеха. – Он вывалил мне в миску целый черпак пельменей. – И нельмы сейчас настругаю.

Но кусок не лез в горло.

– Пойду, ребята, пройдуся, – сказал я, накидывая на плечи куртку.

Меня никто не удерживал. Я выбрался из палатки. Медный диск солнца то исчезал в лохматых облаках, то выплывал в голубизну неба, и тогда всё вокруг вспыхивало мириадами разноцветных искр. Снег сверкал пронзительно ярко, и его колючие лучи слепили глаза, не защищённые дымчатыми стёклами очков. Полузамётённые купола палаток курились дымками, словно трубы деревенских изб. Неподалёку голубела изломом льдин высокая гряда торосов – след вчерашнего торошения. То вспыхивал пулемётной дробью, то замолкал движок у палатки радистов. Сквозь тонкие палаточные стенки доносился чей-то говор. Поскрипывал снег под ногами бортмехаников, спешивших с аэродрома в свою палатку. Тишина как бы усиливала многократно каждый звук, и в то же время каждый звук, умолкнув, усиливал тишину. Побродив без цели между палаток, я свернул на тропинку, протоптанную в свежевыпавшем снегу, и очутился у гряды торосов. Только вчера здесь всё гудело, стонало на разные голоса, скрипело и скрежетало. Лдины сталкивались, становились на дыбы, громоздились друг на друга. На глазах вырастали и разрушались ледяные хребты. Словно таинственные силы вдохнули жизнь в эти голубые громады, и они, ожив, вступили между собой в борьбу – всеокрушающую и бесполезную. Но прекратилась подвижка, и всё застыло. Я присел на ярко-голубой, чуть присыпанный снежком ледяной валун, вытащил из куртки папиросы и закурил. Как странны иногда зигзаги человеческой судьбы. Мог ли я ещё недавно предполагать, что окажусь в самом сердце Арктики, буду жить на дрейфующем льду в палатке? Мечтал ли я, что эти люди, имена которых с детства для меня были символом мужества, станут моими товарищами и что, сидя на торосе,

я буду обдумывать прыжок с парашютом на Северный полюс и строить предположения о том, как будет работать парашют в арктическом небе?

Мои размышления прервал звук, напоминавший гудение шмеля в летний день на лугу. Он возник где-то далеко на северо-востоке. Самолёт.

«Неужели Бардышев?» – подумал я, с надеждой вглядываясь в горизонт. Но вскоре стало ясно: не он. К лагерю приближался на небольшой высоте двухмоторный Ли-2 с торчащими под зелёным брюхом лапами лыж. Надо идти к радистам. Они должны знать, когда сядет Бардышев. Палатка радиостанции стояла на краю лагеря. В ней, как всегда, пахло бензином от движка, канифолью (радисты вечно что-нибудь паяли и перепаявали) и свежесваренным кофе, без которого они давно бы уже свалились с ног.

Завидев меня, вахтенный радист, не дожидаясь вопроса, сказал, что Задков на подходе, связь с Германом (Г. Патарушин, радист экипажа Задкова) была минут двадцать назад. Он передал расчётное время 9:20, а сейчас 9:00. «Так что можешь идти встречать своего напарника».

Действительно, через десять минут на юго-западе показалась чёрная точка, превратившаяся в большой краснокрылый самолёт Ил-8. Во время Великой Отечественной войны эта могучая четырёхмоторная машина была грозным дальним бомбардировщиком. «Демобилизовавшись», она надолго прописалась в Арктике, оказавшись незаменимой в высокоширотных воздушных экспедициях. Вот уже много недель подряд, выполняя роль «летающей цистерны», она летает к полюсу, каждый раз доставляя для экспедиционных самолётов многие тонны горючего. Без них исследования Центральной Арктики оказались бы невозможными. Самолёт промчался над палатками и, сделав круг, пошёл на посадку. Задков зарулил на стоянку по соседству с двумя заиндевевшими Ли-2. Машина в последний раз взревела всеми четырьмя двигателями, подняв вокруг настоящую пургу, и затихла, высоко задрвав застеклённый нос.

Носовой люк открылся, вниз скользнула стальная лесенка, и на снег спрыгнул штурман самолёта Николай Зубов.

– Здорово, доктор, – сказал он, пожимая руку. – Медведева, небось, ожидаешь? Нету его с нами. Мы очень торопились, и ждать, пока Медведев соберёт свои шмотки, времени не было. Да ты не очень расстраивайся, через часок прилетит с Жорой Бардышевым.

Тем временем бортмеханики уже спустили из люка грузовой кабины длинные доски, и по ним одна за другой покатались на снег желанные бочки с бензином.

Часа через полтора радисты обрадовали меня сообщением, что на подходе самолёт Бардышева с Медведевым на борту.

Наконец долгожданный Ли-2 мягко коснулся ледяной полосы, и ещё не успели остановиться лопасти винтов, как прямо из кабины на снег спрыгнул Медведев. Я кинулся к нему навстречу.

– Здорово, Виталий! Не знаешь, зачем я начальству так срочно понадобился? Вчера получаю радиотелеграмму от Кузнецова: «База № 2. Медведеву. Первым самолётом прибыть ко мне со своим фотоаппаратом». Ничего не понятно. Что за фотоаппарат и какое я имею отношение к фотографии? И все наши старожилы тоже удивились. «А может, радисты чего-нибудь перепутали насчёт аппарата? – говорят. – Давай запросим Кузнецова». Запросили. А тут приходит от Кузнецова вторая: «База № 2 Медведеву. Первым самолётом явиться ко мне со своим аппаратом». С моим аппаратом – как я раньше не догадался? Стало быть, с парашютом. Только вот зачем, непонятно. И вот я здесь.

– С тебя причитается, – сказал я, улыбаясь от распиравшей меня «тайны».

– Это с чего бы? – удивился Медведев. – Может, по случаю праздника?

– Праздник праздником. А вот нам с тобой прыгать на полюс!

– Ты серьёзно?!

– Серьёзное не бывает. Утром меня Кузнецов вызывал. Они в штабе, видимо, давно решили и только дожидались Дня Победы и завершения экспедиции.

– Вот это новость! – восторженно выдохнул Медведев. – По этому поводу надо закурить. – Он полез в карман. Достал смятую пачку «Беломора», но все папиросы оказались сломанными. – Ладно, пойду руководству доложусь, а потом уж и покурю.

Медведев вернулся минут через двадцать и сообщил, что всё правильно. Кузнецов не раздумал, и пора браться за работу. Пока Медведев ходил в штаб, Рожков где-то раздобыл большое серебристое полотнище – перкалевый пол от палатки. Растянув его на снегу, он разгладил его, прикинул на глазок размеры и, удовлетворённый осмотром, заявил, что полотнище – настоящий парашютный стол. Чтобы ветер не сдувал полотнище, по углам положили по куску льда.

– Давай-ка свой парашют, начнём с него, – сказал Медведев.

Я вытряхнул из парашютной сумки парашют на полотнище, выдернул кольцо, и пёстрая груда шёлка заиграла красками под лучами выглянувшего солнца.

Работал он быстро, споро, уверенно. Чувствовалась профессиональная хватка. Стропы так и мелькали в руках. Помогая друг другу, мы быстро уложили основной парашют Медведева и два запасных.

– Надо подвесную систему подогнать получше. Не то в воздухе намыкаешься с ней, – сказал Медведев, надевая на себя парашют.

Он долго шевелил плечами, подпрыгивал на месте, то отпускал плечевые обхваты, то подтягивал ножные. Наконец он расстегнул карабин грудной перемычки и, сбросив парашюты, вытер вспотевший лоб.

– Вот теперь порядок, – сказал он. – Надевай подвеску.

Меня он тоже заставил попотеть. Но зато теперь подвеска сидела как влитая.

Мы уложили парашюты в сумки и направились к начальнику экспедиции. Кузнецов стоял у входа в штабную палатку. Вспомнив своё недавнее боевое прошлое, Медведев строевым шагом, топая унтами, подошёл к начальнику экспедиции и, приложив руку к меховой шапке, доложил:

– Товарищ генерал, парашютисты Медведев и Волович к выполнению прыжка с парашютом на Северный полюс готовы.

Кузнецов посмотрел на часы.

– Через тридцать пять минут вылет, – сказал он.

Пока мы укладывали в брезентовый мешок консервы, галеты, круги колбасы, увязывали свёрток с ломиками и лопатами, стрелка часов подползла к двенадцати. Надо было поторапливаться. Мы взвалили на плечи сумки с парашютами и направились к самолётной стоянке, находившейся неподалёку от палатки.

Си-47 ждал нас... Светло-зелёный, узкотельный, на колёсном шасси, с традиционным белым медведем на носовой кабине и полуметровыми буквами, выведенными белой краской: «СССР Н-369».

Механики уже грели двигатели. Из-за брезентовых полотнищ, свисавших с двигателей до самого льда, доносилось свирепое рыканье АПЛ – авиационных подогревательных ламп, этого оригинального гибрида паяльной лампы с огромным примусом. Это и был самолёт Метлицкого, с которого нам предстояло прыгать на полюс.

– Ну что, пожалуй, пора одеваться, – сказал Медведев, завидев, что к нам приближается Кузнецов в окружении штаба и командиров машин.

Мы надели парашюты.

Трояновский, приказав не шевелиться, обошёл нас со всех сторон, стрекоча моторами своего киноаппарата. Затем мы должны были снять парашюты, снова надеть. Он делал дубль

за дублем, и мы покорно то поправляли лямки, то вновь застёгивали тугой карабин грудной перемычки.

– Ничего, ничего, для истории можно и потрудиться, – приговаривал он, меняя кассету. – Ну вот, теперь можете прыгать. Желаю удачи.

Тем временем на самолёте Метлицкого уже запустили двигатели, машина выкатилась из общего строя и остановилась в снежной метели, поднятой винтами. Группа провожающих росла на глазах. Все жители ледового лагеря пришли пожелать нам счастливого приземления: Штепенко, Водопьянов, Черевичный, Котов, Падалко, Сузюмов, Морозов, лётчики, гидрологи, бортмеханики, радисты. Чибисов сказал что-то Кузнецову, махнул нам рукой. Пошли! Пурга, поднятая крутящимися винтами, сбивала с ног, и мы, подняв воротники, подставляя ветру спины, с трудом вскарабкались по стремянке в кабину. Бортмеханик с треском захлопнул дверцу. Сразу стало темно. Замёрзшие стёкла иллюминаторов почти не пропускали света. Они казались наклепанными на борт кружочками серой бумаги. Мы устроились на груде чехлов от двигателей, ещё хранивших остатки тепла, терпко пахнувших бензином и горелым маслом. Гул моторов вдруг стал выше, пронзительнее, машина вся задрожала, покатила вперёд, увеличила скорость и, легко оторвавшись от ледовой полосы, стала быстро набирать высоту. Глаза уже привыкли к полумраку, и можно было осмотреться. В грузовой кабине обычно было просторно, хоть в футбол играй. Но сегодня она была до предела завалена всевозможными вещами. Повсюду стояли деревянные ящики с оборудованием, катушки стального троса, густо смазанного солидолом, фанерные коробки с полуфабрикатами, мешки с хлебом и оленьими тушами. Вдоль левого борта выстроились полдюжины бочек, связанных между собой толстым канатом, – запас бензина. Поперёк кабины, преграждая путь, стояла обросшая льдом гидрологическая лебёдка.

Хвост самолёта был забит лагерным снаряжением: палатками, связками оленьих шкур, баллонами с пропаном, закопчёнными газовыми плитками. У самой дверцы лежал аккуратно упакованный в брезентовое полотнище большой свёрток, из которого выглядывали кончики дуг запасной палатки, предназначенной для нас на случай непредвиденной задержки на льдине после прыжка. Бортмеханик озабоченно оглядывал беспорядок, царивший в кабине.

– Вы уж, ребята, не обессудьте, – сказал он извиняющимся тоном. – Совсем с ног сбился. Думал, прилетим сегодня, отдохну малость, а потом наведу порядок в своём хозяйстве, а вместо этого приказали парашютистов, то есть вас, выбрасывать. Да вот ещё, может, прыгать будете в левую дверь. Она всё же грузовая, пошире. Я вот глядел, как вы втискивались в кабину. Даже жалко вас стало.

– Ну, молодец, правильно сообразил, – одобрил предложение Медведев. – Пожалуй, для меховой-то робы правая дверка тесновата. Ещё застрянем. Вот смеху будет. А ты, Виталий, чего замолк? Рассказал бы чего-нибудь. Не то, пока до полюса долетим, со скуки помрём. – Он помолчал, похрустел сухариком, завалывшимся в кармане. – А всё-таки лихо с полюсом получилось. Прыжок будет круглый – семьсот пятидесятый. И звучит неплохо – на Северный полюс совершён семьсот пятидесятый, а? Этот, наверно, потруднее будет, чем даже на железную дорогу.

– На какую дорогу? – переспросил я.

– На железную. Дело было так. Прыгал я тогда в третий раз. Дал мне инструктор задание открыть запасной парашют. Есть такое упражнение для начинающих, вот только номер его не помню. Аэродром наш был рядом с железной дорогой. Прыгали мы с высоты 600 метров. Пилот попался молодой, напутал с расчётами точки сбрасывания и подал команду «Пошёл!» раньше времени. Раскрыл я запасной парашют, и понесло меня к железнодорожному полотну, по которому шёл паровоз с кучей вагонов. Опыта управлять парашютом я тогда не имел и снижался куда придётся. Смотрю, несёт меня прямо на рельсы, навстречу паровозу. Мама родная! Закричал что есть мочи. Да кто меня услышит? А на станции стоят зеваки и наблюдают, как

я на вагоны собираюсь свалиться. Видно, думают, что так надо. Хорошо, начальник станции увидел это дело, замахал флажком. Остановил поезд. А я всё-таки умудрился приземлиться прямо на открытую платформу с песком. А в другой раз... – Петрович не договорил, заметив, что к нам пробирается Володя Щербина.

– Ну, ребята, как самочувствие, настроение? – спросил он, присаживаясь рядом на чехлы.

– Настроение бодрое, самочувствие отличное, только холодно и ноги затекли, – отозвался я.

– Вот и хорошо. Значит, слушайте и запоминайте. Порядок работы будет такой, – продолжал он уже другим тоном. – До полюса лететь ещё минут тридцать. Как только выйдем на точку, определим координаты. Там будем выбирать площадку для выброски.

– Постарайтесь, – сказал Медведев, – поровнее найти.

– А если не найдём, будете прыгать или обратно полетите? – спросил, ехидно улыбаясь, Щербина. Но Медведев так на него посмотрел, что он шутливо-испуганно замахал рукой. – Ну, не сердчай, я же так, пошутил.

– Ты эти свои дурацкие шутки брось, – сердито сказал Медведев.

– Ну, извини, извини. Так, значит, найдём площадку, сбросим пару дымовых шашек. Скорость ветра и направление определим. Пока они дымят, будут вам служить неплохим ориентиром. Затем сделаем кружок над полюсом. Когда выйдем на боевой курс, просигналим сиреной. Тогда занимайте исходные позиции к прыжку у двери. Как услышите частые гудки – прыгайте, ясненько?

– Всё понятно. А вот чайку горячего похлебать бы не мешало.

– Сей момент.

Через пару минут Щербина появился, неся в руках две пол-литровые кружки с крепким, почти чёрным чаем.

– Чай полярный, первый класс. Пейте, дорогие прыгуны, набирайтесь сил. Вот вам ещё по плитке шоколада. Заправляйтесь на здоровье.

Чай действительно был отличный. Горячий, ароматный. Я сделал несколько глотков, но пить что-то расхотелось. Я попытался занять себя каким-нибудь делом: стал заново привязывать унт, считать ящики. Потом внимание моё привлекли унты Медведева. Я впервые заметил, что они разного цвета: на левом мех серый с чёрными пятнами, а на правом – густо-коричневый.

Почему-то стал казаться тесным мой старый, выдавший виды кожаный лётный шлем. Я всячески старался отвлечься от мысли о предстоящем прыжке.

– Закурим по последней? – вернул меня «на землю» голос Медведева. Мы задымили папиросами, делая глубокие затяжки. – Значит, Виталий, действуем, как договорились. Я пойду подальше к хвосту, а ты стань с противоположного края двери. Как услышишь сигнал, прыгай сразу следом за мной. Не то разнесёт нас по всему Северному полюсу. И не найдём друг друга. В наших шубах не шибко побегаешь.

Главные парашюты мы решили открывать на третьей секунде свободного падения, а затем, по обстановке, запасные.

Пока мы оживлённо обсуждали детали предстоящего прыжка, из пилотской вышел Чибисов – высокий, красивый, в коричневом кожаном «реглане». Человек он был решительный, властный, полный неуёмной энергии. Моё первое знакомство с Максимом Николаевичем не обошлось без курьёза. Однажды на аэродроме мыса Челюскин я дождался оказии на базу номер один. Начхоз экспедиции спросил Чибисова, как поступить с доктором: ему надо лететь на базу, а машины загружены под завязку продовольствием. Чибисов на секунду задумался и изрёк фразу, ставшую впоследствии полярной классикой: «Грузить пельмени, медицина подождёт». Впрочем, как оказалось впоследствии, к медицине он относился весьма уважительно.

– Подходим к полюсу, – сказал Чибисов. – Ледовая обстановка вполне удовлетворительная. Много годовалых полей. Площадку подберём хорошую. Погода нормальная. Видимость миллион на миллион. Через три минуты начнём снижаться. Как, Медведев? Хватит 600 метров?

– Так точно, хватит, – отчеканил Медведев.

«Только бы побыстрее», – подумал я.

Самолёт сильно трянуло. Он словно провалился в невидимую яму.

– Начали снижаться, – сказал Чибисов, – ждите команды. А вы, товарищ бортмеханик, подготовьте дымовые шашки. Бросите их по команде штурмана за борт.

Димыч подтащил к двери ящик, вытащил две дымовые шашки, похожие на большие зелёные консервные банки, и пачку запалов, напоминавших огромные спички с толстыми жёлтыми головками, и стал ждать команды.

– Бросай!!

Бортмеханик чиркнул запалом по тёрке. Как только головка вспыхнула со змеиным шипением, он с размаху воткнул её в отверстие и швырнул шашку в приоткрытую дверь. За ней последовала вторая. Шашки, кувыркаясь, полетели вниз, оставляя за собой хвостики чёрного дыма. Задравив правую дверь, бортмеханик взялся за грузовую. Предварительно он уже успел растащить в разные стороны грузы, загромоздившие подходы к ней, он попытался повернуть ручку, но она не поддавалась. Бортмеханик дергал её что есть силы, обстукивал край двери молотком. Но всё впустую. Он вполголоса костил злополучную дверь, но она по-прежнему не поддавалась. Загудела сирена. Мы было приподнялись, но опять вернулись на место. Кажется, сейчас мы начали нервничать по-настоящему. Чувствую, вот-вот Медведев взорвётся. Но молчит, хотя по лицу его и сжатым губам вижу, чего стоит ему эта сдержанность. Всё. Время упущено. Медведев не выдержал: «Чёрт бы её побрал, эту идиотскую дверь. Паяльной лампой её прогреть бы». Механик виновато молчал, но идея прогреть дверь лампой ему понравилась. Он зажёл пучок пакли и поднёс его к зажиму, и, о чудо, ручка вдруг поддалась усилиям, и замок с сухим щелчком вышел из паза. Наконец-то! Метлицкий заложил крутой вираж. Пошли на второй круг. Из проёма двери в пилотскую высунулась голова в шлемофоне – это штурман Миша Щерпаков:

– Готовьтесь, ребята. 89 градусов 54 минуты. Сейчас выходим на боевой курс. Будем бросать на молодое поле. Думаю, не промахнётесь. Ветер метров пять – семь в секунду, не больше, температура 21 градус мороза.

Щербина подошёл на помощь бортмеханику, и они вдвоём рывком оттянули дверь на себя. Она с хрустом открылась, и в прямо- угольный её просвет ворвался ледяной ветер. Ослепительно яркий свет залил кабину. Снова протяжно загудела сирена, и, хотя мы с нетерпением, напряжённо ждали заветного сигнала, он всё же прозвучал неожиданно. Мы поднялись с чехлов.

– А ну, повернись, сынок, – сказал Медведев и, отстегнув клапан парашюта, ещё раз проверил каждую шпильку. «Всё в ажуре!» Он закрыл предохранительный клапан, защёлкнул кнопки и повернулся ко мне спиной. – Проверь-ка теперь мой. Как, порядок? Тогда пошли.

Держась за стальной трос, протянутый вдоль кабины самолёта, мы, неуклюже переваливаясь, двинулись вперёд, к зияющему проёму грузовой двери. Добравшись до обреза двери, я остановился, нащупал опору для правой ноги и положил руку на вытяжное кольцо. Но меховая перчатка оказалась толстой, неудобной, мешала просунуть пальцы в кольцо. Не раздумывая, я стащил зубами перчатку с правой руки, затолкал её поглубже за борт куртки и снова положил ладонь на красный стальной прямоугольник. Холод застывшего металла обжёг ладонь, но я лишь сильнее стиснул кольцо и замер в ожидании команды. С высоты 600 метров кажется, что до океана – рукой подать. Выпрыгнул – и ты уже на льду. Даже как-то не по себе становится. До самого горизонта тянутся сплошные ледовые поля. Они кажутся ровными. Но я знаю, сколь

обманчиво такое впечатление. Просто солнце скрылось в облаках, и ледяные глыбы, бугры и заступы не отбрасывают теней. Местами ветер сдул снег и обнажил голубые и зелёные пятна льда.

Похожие на кубики сахара, выложенные длинными аккуратными горками, виднелись гряды торосов. Чёрное пятнышко вдали превратилось в большое разводье, покрытое рябью мелких волн. От разводья в разные стороны извивался десяток тонких тёмных змеек-трещин.

Сколько раз наблюдал я эту картину в иллюминатор. Но на самолёте ощущение безопасности было таким полным, что этот безмолвный белый мир под крылом казался далёким, нереальным. Однако сейчас, перед прыжком, стоя на порожке двери, обдуваемый яростным ледяным ветром, я по-иному смотрел на белое пространство, которое раскинулось внизу без края и конца. Наверное, мои ощущения были похожи на состояние перед атакой. «Ту-ту-ту» – лихорадочно зывала сирена. Её резкие звуки били по нервам, словно стальные молоточки. Нервы дали команду мышцам. Прижав парашют левой рукой к животу, я оттолкнулся ногой и провалился вниз головой в пустоту. Подхваченный мощным воздушным потоком, сделав сальто, я лёг на поток.

Двадцать один, двадцать два, двадцать три – отсчитывал вслух три секунды свободного полёта, но почувствовал, что явно тороплюсь. Досчитав: двадцать четыре, двадцать пять, я что есть силы дёрнул кольцо, и оно, вырвавшись из пальцев, исчезло в пространстве. Повернув голову, уголком глаза видел через плечо, как, шелестя, стремительно убегали вверх пучки строп, как вытягивался длинной пёстрой колбасой купол. Вот он наполнился воздухом, гулко хлопнул и превратился в живой полушар. Он словно лихорадочно дышал, то сжимаясь, то расширяясь. Динамическим ударом меня швырнуло вверх, качнуло вправо, потом влево, снова вправо, и вдруг я ощутил, что неподвижно вишу в пространстве. После грохота моторов, свиста ветра охватившая тишина подействовала ошеломляюще. Меня охватило чувство покоя. И, вдыхая морозный воздух, я шурился на солнце, улыбался, ощущая радость бытия.

Огляделся по сторонам. Справа высоко надо мной удалялся самолёт, оставляя бледную дорожку инверсии. Неторопливо брели лохматые, подсвеченные солнцем облака. Внизу, куда хватало глаз, простирались снежные поля, ровные, девственно-белые, кое-где искорёженные подвижками, похожие на бесчисленные многоугольники, окантованные чёрными полосками открытой воды. Высота незаметно уменьшалась. Сахарные кубики торосов стали чётче. Кое-где снежный наст был пересечён тушью свежих трещин. К горизонту уходило широкое чёрное разводье, похожее на асфальтированное шоссе.

Метров на тридцать ниже меня опускался Медведев. Его раскачивало, как на качелях, и он тянул стропы то справа, то слева, пытаясь погасить раскачку.

– Андре-ей! – заорал я что есть силы. – Ура! – И, сорвав меховой шлем, закрутил его над головой, не в силах сдержать охватившее меня радостное возбуждение.

Медведев в ответ замахал рукой, а потом, указав пальцем на запасной парашют, крикнул: – Запасной открывай.

Но я уже вспомнил об этом. И в точном соответствии с инструкцией свёл ноги, подогнул их под себя и, придерживая левой рукой клапаны ранца, выдернул кольцо. Клапаны, щёлкнув резинками, раскрылись, обнажив кипу алого шёлка. Я быстро пропустил ладонь между ранцем и куполом и, сжав купол, что есть силы отбросил его в сторону от себя. Но купол, не поймав ветер, свалился вниз и повис бесформенной тряпкой. Пришлось вытащить стропы из ранца и руками натягивать их на себя. Помогло! Неожиданный порыв ветра подхватил полотнище, оно затрепетало, наполнилось воздухом и вдруг раскрылось гигантским трепещущим маком на фоне бледно-голубого арктического неба. До земли оставалось не более сотни метров. Меня несло прямо на торосы, в которые упиралось великолепное ровное поле, над которым я пролетел. Вблизи торосы приобрели довольно грозный вид. Это был огромный, высокий вал перемолотого льда.

Я понимал, что мне несдобровать, если я угожу в этот хаос из ледяных обломков. Чтобы перелететь через них, надо было во что бы то ни стало замедлить спуск. Услужливая память подсказала ответ: уменьшить угол развала между главным и запасным парашютами. Ухватившись за внутренние свободные концы запасного парашюта обеими руками, я изо всех сил потянул их на себя, стараясь как можно ближе свести купола. Напрягая последние силы, я с трудом удерживал парашюты в таком положении. Скорость немного уменьшилась, но это уже не могло мне помочь. Гряда торосов, ошетилившись голубыми рёбрами глыб, неслась навстречу. Я весь сжался, сдвинул ступни, вынес ноги вперёд, чтобы встретить удар об лёд. «Лишь бы только ноги не застряли между льдин», – промелькнула мысль. Я затаил дыхание в ожидании удара. Вдруг сильный порыв ветра, подхватив меня, легко перенёс через ледяное месиво. Чиркнув подошвами унтов по гребню, я шлёпнулся в центр небольшой площадки и по шею провалился в сугроб. Мягкий снег залепил лицо, набился за воротник куртки, в рукава, за голенища унтов. Выбравшись из сугроба, тяжело дыша, стирая налепившийся снег, я попытался раскрыть карабин грудной перемычки, но тугая пружина не поддавалась усилиям задеревеневших пальцев. Оставив бесплодные попытки, я лёг на спину, широко раскинув руки. Только сейчас я вдруг осознал, в каком страшном напряжении находился все эти часы. Теперь наступила разрядка. Я смотрел в бесконечную глубину блёкло-голубого северного неба. Ватные облака, клубясь, рисовали живые картины. Мягко пригревало солнце. Я закрыл глаза. Меня охватило блаженное безразличие. Обострившимся слухом я улавливал шорохи, потрескивания. Неподальку возился с парашютом Медведев. Я слышал, как он пробирается ко мне, увязая в глубоком снегу.

– Вставай, лежебока. Кончай прохлаждаться, – услышал я над головой его голос. – Радикулит наживёшь.

– Так это же будет особый, полюсный радикулит, – сказал я, неторопливо поднимаясь на ноги.

Вдруг Медведев схватил меня в охапку, и мы, как расшалившиеся школьники, начали тискать друг друга, крича что-то несуразное, пока не повалились обессиленные на снег.

– Всё, Андрей, кончай. Надо делом заняться. – Я вытащил из-под куртки фотоаппарат и, несмотря на чертыхания Медведева, заставил его достать парашюты из сумки, снова надеть на себя подвесную систему и распустить купол по снегу.

– А тебя не заругают? Не попадёт за эту самодеятельность? – настороженно поинтересовался Петрович. – Вроде бы всю фотоаппаратуру было приказано сдать перед отъездом из Москвы.

– Этот фотоаппарат я у Марка Трояновского попросил. Точнее, он сам мне его дал, чтобы мы друг друга после приземления, точнее приледнения, сфотографировали. Вернёмся в лагерь, и я отдам плёнку шифровальщикам.

Щёлкнув десяток кадров, на всякий случай каждый раз меняя выдержку, я передал аппарат Медведеву и замер перед объективом ФЭДа.

Увлёкшись фотографированием, мы на некоторое время забыли где находимся и что наше фотоателье расположено в центре Ледовитого океана. Об этом нам напомнил зловещий треск льда и зашевелившиеся глыбы торосов. Взвалив сумки с парашютами на спину, мы поспешили вскарабкаться на гребень вала. Картина, открывшаяся нашим глазам, была великолепной. Бескрайнее гладкое, как стол, ледяное поле, присыпанное снежком, и на его фоне зелёный самолёт с медведем на фюзеляже, замедляющий свой бег.

Когда мы спустились вниз, я поставил друг на друга три плоские ледяные плитки, накрыл их белым вафельным полотенцем, достал из сумки небольшую плоскую флягу, две мензурки для приёма лекарства, плитку шоколада и пачку галет.

– Прошу к столу, уважаемый Андрей Петрович!

Медведев повернулся и даже крякнул от удовольствия.

– Ну и доктор, молодец! Я уже и надежду потерял. Решил, что так и останемся без праздничного банкета. Однако закуску на всякий случай припас, – сказал Медведев, протягивая большую свежую луковицу.

Мы наполнили мензурки. С праздником! С Победой! С полюсом!

Северный полюс – Москва

Высокоширотная воздушная экспедиция завершила свою работу во льдах Центральной Арктики. Один за другим самолёты покидали льдину вблизи Северного полюса и ложились курсом на юг. Надо было торопиться. Береговые аэродромы Диксона, Тикси и мыса Шмидта начали раскисать. И на ледяных полях вокруг Северного полюса заголубели снежницы – озёра талой воды. От базового лагеря, находившегося в 80 километрах от Северного полюса почти два месяца, осталось всего три палатки и груда ящиков (пустые бензиновые бочки приказано было вернуть на Большую землю).

16 мая взрвали двигатели «Кондора», который пилотировал Москаленко, и его тяжело гружённая машина, пробежав почти до конца лётной полосы, оторвалась от ледяного поля и стала набирать высоту. Тем временем к вылету стали готовить Пе-8 – главный бензовоз экспедиции. Его командир Василий Никифорович Задков неторопливо ходил вокруг машины, наблюдая за суетой механиков. Из штабной, а в данный момент единственной палатки выглянул главный штурман экспедиции Александр Павлович Штепенко.

– Василий Никифорович, давай сюда, к начальнику. Надо одно предложение обсудить.

– Докладывайте коротко, – сказал Кузнецов, обратившись к Штепенко.

– Я предлагаю, Александр Алексеевич, изменить задание Задкову. В соответствии с планом мы должны лететь в Москву с двумя посадками – на Диксоне и в Архангельске. Но мы посчитали: Пе-8 вполне может долететь до столицы через Северный полюс, остров Рудольфа, Новую Землю и Архангельск без посадки. Чтобы хватило бензина на 4200 километров, дополнительно к полной заправке баков возьмём про запас несколько бочек с горючим.

– А как с двигателями? Ресурсы у них не выработаны? Не слишком ли большой риск?

– Иван Максимович (Коротаев – механик Пе-8) даёт гарантию.

– Я уже с ним переговорил, – сказал Задков, который, видимо, уже обсуждал эту идею с экипажем. – Это тоже будет своеобразный авиационный рекорд и хороший экзамен для нашего воздушного корабля.

– Да, Пе-8 – машина отличная. Я на ней с Водопьяновым летал Берлин бомбить. А в 1942 году с Пуссепом Вячеслава Михайловича Молотова в Соединённые Штаты возил, – сказал с ноткой гордости Штепенко.

Кузнецов задумался, но вдруг улыбнулся:

– Согласен. Готовьте машину к полёту.

Находившиеся на льдине механики и несколько членов экспедиции помогли экипажу Фёдора Шатрова загрузить его парадный красный «Кондор». Он взлетел первым, чтобы контролировать с воздуха взлёт Задкова. О том, как протекал этот удивительный полёт, мне рассказал по прибытии в Москву Евгений Матвеевич Сузюмов, который находился на борту Пе-8 вместе с А.А. Кузнецовым, штурманом А.П. Штепенко, океанологом-«седовцем» В.Х. Буйницким, шифровальщиком Борей Рожковым и вездесущим шеф-оператором Марком Трояновским.

Самолёт шёл на высоте 2000 метров. Сплошная облачность. Кабина Пе-8 мало приспособлена к транспортировке пассажиров, да ещё плохо отапливалась. Так что пришлось одеться потеплее, «как на Северном полюсе». Виктор Харлампиевич (Буйницкий), устроившись у иллюминатора, разложил на откидном столике бланковую карту Ледовитого океана и принялся наносить ледовую обстановку по маршруту. У открытого окна расположился Марк Трояновский, расчехлив свою кинокамеру.

Штепенко вместе с Николаем Зубовым занялся солнечным компасом, сверяя его показания с отметками на полётной карте. По московскому времени, как в лагере на льдине, 19

часов. Шли мы над облаками, и в «окнах» видны были белые поля, перечёркнутые местами чёрными извилинами разводий.

– Товарищи, приготовьтесь, – сказал Штепенко, – через пять минут будем над Северным полюсом.

Зубов поднял карандаш над картой, и когда Александр Павлович воскликнул «Есть!», Зубов даже несколько торжественным жестом опустил его на точку, где сходились 360 меридианов.

Самолёт сделал левый разворот. Механик Володя Водопьянов передал Зубову буюк с вымпелом. Поток ветра вырвал вымпел из рук штурмана и понёс вниз к полюсу.

Задков довернул машину и лёг на генеральный курс – на юг. Мерно гудели четыре могучих двигателя, но скорость не превышала 235 километров в час. С полюса к Земле лететь проще. На пути остров Рудольфа – крайний в архипелаге Земля Франца-Иосифа. На его радиостанцию настроен радиокompас самолёта. А на карте тянулась чёрная линия от полюса к оконечности Земли Франца-Иосифа. У приборной доски устроился в кресле Иван Максимович Коротаяев, внимательно следя за показаниями стрелок на циферблате. Время от времени он вылезал из кресла и по узким проходам быстро ползал то к правым двигателям, то к левым. Впрочем, на лице его не было заметно облачка тревоги. Случись что, сесть некуда. Битый лёд, широкие разводья и груды торосов, напоминающие с высоты 2000 метров кубики рафинада.

В 22 часа сквозь поредевшие облака можно стало различить чёрные скалы острова, и сразу же застрекотала камера Марка Антоновича. «Ложимся на курс 150», – громко сказал Задков. Через 15 минут самолёт прошёл над островом Ла-Ронсьер. Видны были ледяные кручи, горные хребты, покрытые льдом и снегом.

– А сейчас мы пройдем над самым большим островом архипелага, – показал пальцем Задков вниз, – Земля Вильчека.

Вскоре Володя Водопьянов объявил, чтобы все приготовились к обеду. Оказалось, что Зубов не только хороший штурман, но и отличный повар. Вскоре перед пассажирами появились вафельные полотенца, заменяющие скатерть, и большая тарелка жареных антрекотов. Благо на самолёте была маленькая кухонька с походными газовыми плитками и баллоном с пропаном.

Постепенно небо прояснилось. Сквозь тучи пробирались лучи солнца. Самолёт подходил к Новой Земле, но земля встречала его грозовым фронтом. После обсуждения обстановки Задков и Штепенко приняли решение не лезть на рожон, обойти фронт с запада, а оттуда попробовать проскочить в Архангельск. Бешено мчались лохматые тучи, прорезаемые яркими молниями. И вдруг фронт оборвался. Сквозь тучи пробились первые лучи. Внизу показался остров Колгуев. Дальнейший путь – на Мезень. Это была уже «наезженная трасса». Самолёт к тому времени почти 12 часов был в воздухе. Пора было заливать баки бензином из запасных бочек. Все пассажиры с энтузиазмом взялись за эту работу под командой Самохина.

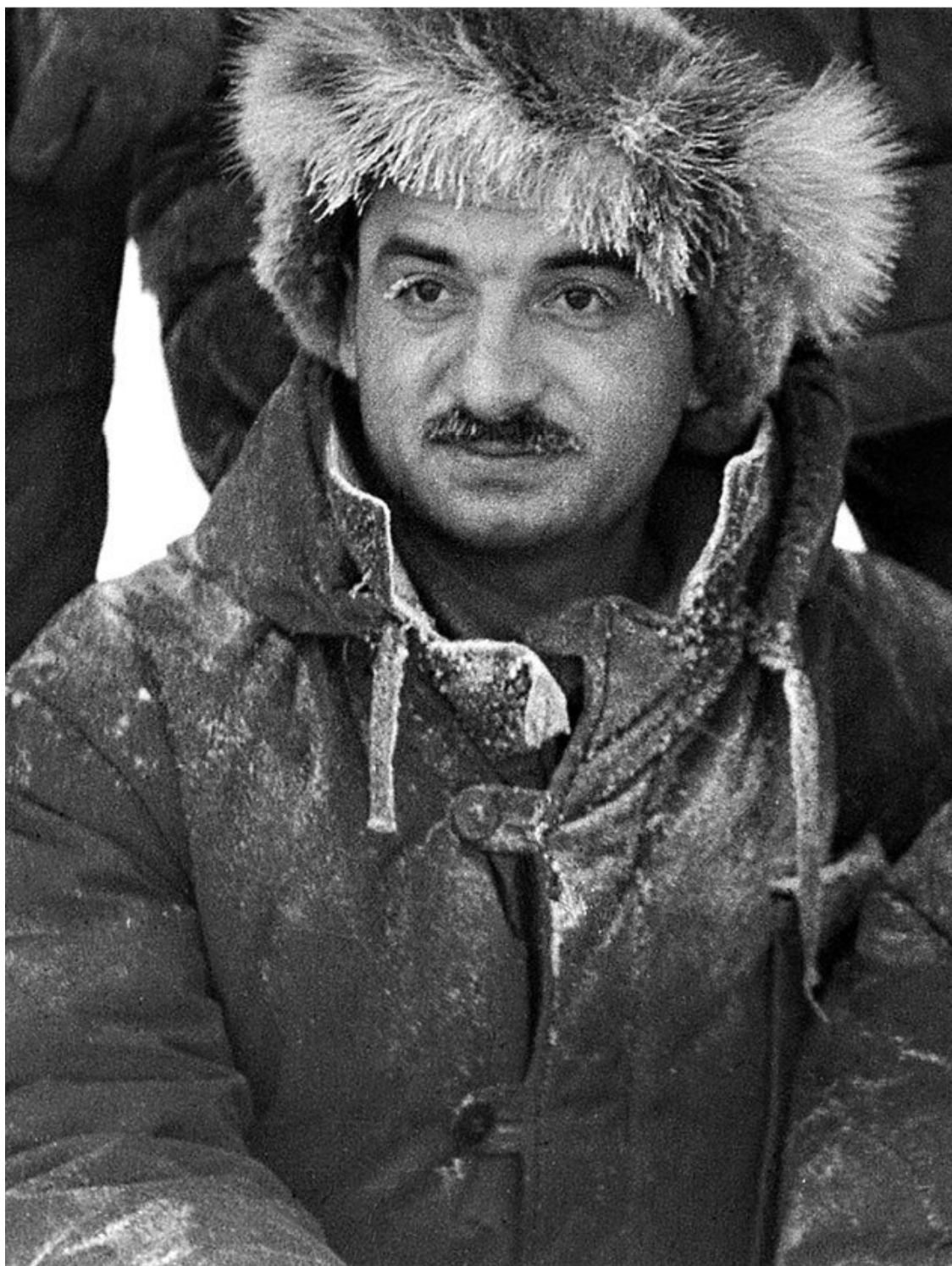
Пока машина была в воздухе, было проще. Перед Архангельском к помехам погодным прибавились обычные человеческие. Кто-то забыл сообщить архангельскому диспетчеру, что борт Н-419 следует с Севера и имеет разрешение Москвы...

«Следуем на Москву», – приказал Кузнецов, и самолёт устремился на юг.

17 мая 1949 года в 11 часов 15 минут Пе-8, пилотируемый лётчиком В.Н. Задковым, приземлился на московском аэродроме.

Первый в мире беспосадочный перелёт Северный полюс – Москва был совершён за 17 часов 27 минут.

Это был новый рекорд советской авиации. А почему же он забыт?

Часть 2

Засекреченный полюс

«Если исследование полярных стран и не представляет особой, величайшей задачи человечества, то всё же нельзя не видеть в стремлении к этим исследованиям одно из замечательных проявлений вечно ищущего и ни перед какими трудностями не останавливающегося пытливого человеческого духа».

Аксель Арсталь

.....

Мечты сбываются

Я с детства ненавидел ночные телефонные звонки. Они всегда таили в себе какую-нибудь неприятность. Поэтому телефонная трель, прозвучавшая в полночь, вызвала глухое чувство тревоги. И кто бы это мог позвонить мне в столь поздний час? Я поднял трубку и с удивлением узнал голос Люды Ольхиной – секретаря заместителя начальника Главсевморпути В.Ф. Бурханова.

– Доктор, вы ещё не спите?

– Только собираюсь почивать, – ответил я игривым тоном.

– Так вот, почивать вам не придётся. Быстренько собирайтесь и летите к нам на Разина.

Мне повезло: такси высадило пассажиров почти у самого моего дома. Улицы ночной Москвы уже опустели, и через пятнадцать минут машина остановилась у знаменитого дома № 9.

Перескакивая через ступени, я взбежал на второй этаж и вошёл в приёмную начальства.

Ольхина, завидев меня, таинственно улыбнулась: «Раздевайтесь, доктор, и проходите в кабинет Бурханова. Вас ждут».

Я отворил дверь и очутился в знакомом просторном кабинете. За тем же огромным столом, заваленным кипами бумаг, сидел М.В. Водопьянов в неизменной потёртой кожаной куртке на молнии со звёздочками Героя. Прижав к уху телефонную трубку, он что-то сердито выговаривал невидимому собеседнику. Заметив меня, он коротко бросил: «Подожди маленько». Я оглянулся. Народу в кабинете, видимо из-за позднего часа, было немного. На диване вели оживлённую беседу штурман В.И. Аккуратов и начальник Управления радиостанций М.И. Ходов.

Развалившись в глубоких креслах, листали папки с документами лётчики Б.С. Осипов и М.А. Титлов, знакомые мне по прошлым экспедициям.

Все были поглощены делом, и я, чтобы не мешать, стал рассматривать длинный застеклённый стеллаж с макетами полярных судов. Всё это были прославленные «старикки», много лет бороздившие арктические воды. Я задержал свой взгляд на красивых обводах «Георгия Седова», продрейфовавшего три года в Ледовитом океане, и вдруг услышал раскатистый бас Водопьянова:

– Доктор, ты куда это запропастился?

– Я здесь, – откликнулся я, подходя к столу.

– Ну, здорово, доктор, – сказал Водопьянов, пожимая мне руку. – Усаживайся поудобнее. Есть серьёзный разговор. Знаешь, зачем тебя вызвали? – Не дожидаясь ответа, он продолжал: – Разговор с Кузнецовым на льдине помнишь?

– Конечно, помню, – выдавил я, но от радостного предчувствия где-то в желудке странно заныло.

– Так вот. Работу станции Сомова решено продлить до весны. – Водопьянов помолчал, закурил папиросу. – Хотим направить тебя врачом на льдину. Как? Не возражаешь?

– Конечно, не возражаю.

– Только тут ещё одно дело. – Он снова замолчал, испытующе глядя мне в глаза. – Ты в поварском деле чего-нибудь кумекаешь? Ну, например, мясо пожарить или там котлеты соорудить?

Я, ещё не понимая, к чему клонит Водопьянов, насторожился.

– Дело, доктор, в том, что послать отдельно врача и отдельно повара весьма накладно. Вот начальство и решило две эти должности совместить. Ну как? Справишься?

– Постараюсь справиться, – отвечив я, уже придя в себя от неожиданного предложения. – За время высокоширотных экспедиций кое-чему научился: могу пельмени сварить, антрекот поджарить, строганину приготовить, яичницу соорудить.

– Ну, насчёт яичницы ты поторопился, разве что сам будешь нести яйца, – хохотнул Водопьянов. – Верю: поварскому делу ты со временем научишься. Тут другая заковыка. Ребята на станции тоже не мастера кулинарить. Но пока они готовили пищу по очереди, то особенно критиковать друг друга не осмеливались. Помнишь, как у Пушкина в «Пиковой даме»? «Сегодня ты, а завтра я». А тебе будет доставаться на орехи. Ругани на тебя посыплется – будь здоров. Работа эта адская. По собственному опыту знаю. Придётся тебе потерпеть. Ты парень с гонором, но самолюбие спрячь в карман. Терпи до усёру. Ну как, не очень я на тебя страху нагнал?

Пока Водопьянов произносил свой монолог, я уже в душе согласился ехать хоть поваром, хоть кочегаром.

– А я и не испугался, – сказал я довольно твёрдым голосом. – Постараюсь справиться.

– Ну вот и молодец. Впрочем, я и не сомневался, что ты согласишься. Так что мой тебе совет. Слушай, терпи и учись. Притрёшься, наберёшься опыта, и всё будет тип-топ. И ещё один совет. Если хочешь, чтобы щи были вкусными, – клади мяса больше, чем воды. Знаешь, как там, у комсомольцев, говорят: не умеешь – научим, а не захочешь – заставим.

– Значит, замётано. – Водопьянов затянулся папиросой. – Сейчас включу тебя в приказ. И вот ещё что. Там Сомова медведи одолели, и он просил прислать десяток пистолетов. Завтра к 11:00 чтоб стоял в бюро пропусков Главного артиллерийского управления. Покончишь с оружейными делами – дуй прямо к Шворину. Он в курсе. Получишь от него все указания по медицинской части. А сейчас отправляйся домой да выпипись хорошенько.

Да какой уж тут сон. Всю ночь я ворочался с боку на бок, обуреваемый мыслями о предстоящей экспедиции. Чуть свет я уже был на ногах.

Точно в назначенное время я вошёл в бюро пропусков и едва успел просунуть в окошечко своё удостоверение, как услышал хриплый голос из репродуктора: «Представителя Главсевморпути просят подойти к проходной». Меня встретил молодцеватый полковник, с удивлением покосившийся на мои капитанские погоны. Видимо, его несколько смутил скромный чин посланца столь солидной организации. Мы поднялись на третий этаж, где, судя по шикар-ной ковровой дорожке, размещалось начальство. Миновав приёмную, полковник приоткрыл массивную дверь кабинета и, остановившись на пороге, доложил: «Товарищ генерал, представитель Арктики прибыл».

Из-за стола навстречу мне поднялся рослый генерал с густой седой шевелюрой и разноцветьем орденских ленточек на кителе.

Я представился, почтительно пожал начальственную руку и уселся в предложенное кресло.

– Ну-с, с чем пожаловали, доктор?

– Командование Главсевморпути просит для выполнения правительственного задания одиннадцать пистолетов.

– ТТ вас устроит или что-нибудь посolidнее?

И тут червячок романтики, копошившийся в моей душе, поднял голову.

– Желательно кольты, – выдохнул я, вспомнив любимое оружие северных героев Джека Лондона.

– Кольты, – хмыкнул генерал. – Может, лучше дать вам автоматы?

– Нет, именно кольты.

– Ну что ж, кольты так кольты. – Он набрал номер внутреннего телефона. – Василий Петрович, нужны кольты, одиннадцать штук. Есть в наличии? Вот и отлично. А патроны к ним? В Туле? Так слушай меня внимательно. Завтра же доставь всё это имущество в Захарково, на аэродром полярной авиации. О выполнении доложишь мне лично.

Генерал нажал кнопку звонка, и, как по мановению волшебной палочки, на пороге кабинета возник тот же полковник с подносом, на котором стоял большой фарфоровый чайник, два стакана в серебряных подстаканниках, вазочки с печеньем и конфетами «Мишка на Севере».

– Угощайтесь, доктор. – Он сам наполнил мой стакан и, поглядев на меня с прищуром, спросил: – А скажите, голубчик, если это не секрет, для чего это вам понадобились кольты?

– В общем, это секрет, – замялся я в нерешительности.

– Да ты не тушуйся, – сказал генерал, переходя на доверительное «ты», – сам понимаешь, мне ведь и не такие тайны доверены.

И я решился:

– В Северном Ледовитом океане есть такой район, который называется Полюсом недоступности. Так вот, там на льдине с весны работает дрейфующая станция, вроде папанинской. Последнее время там часто стали появляться медведи. Сейчас, с приближением полярной ночи, встреча с медведем, да ещё в темноте, сулит большие неприятности. Вот и потребовалось надёжное личное оружие. – Я, конечно, не сказал, что кольты – моя сугубо личная инициатива. – Армейский кольт сорок пятого калибра вполне подойдёт. Надёжная штука.

– А кто их доставит на льдину?

– Сам повезу.

– Сам? Значит, и зимовать там будешь, – сказал он уважительно. – Ну, молодец. Наверное, тяжельно там придётся всю полярную ночь, на льдине? Это вы, значит, как папанинцы будете дрейфовать?

Он задал ещё множество вопросов и о надёжности льдины, и о полярной ночи, и о морозах. Удовлетворив своё любопытство и поднявшись, крепко пожал мне руку.

– Ну, капитан, с Богом. Ни пуха тебе, ни пера.

– К чёрту, – расхрабрился я и, довольный успешно выполненной миссией, покинул кабинет.

Вернувшись на улицу Разина, я напрямиком направился к Шворину.

Он встретил меня как старого знакомого и, полуобняв за плечи, сказал:

– Я уже в курсе дела. Скажи, Виталий, честно: не ожидал такого сюрприза?

– Если честно, то не ожидал. Но согласился сразу, не раздумывая.

– Молодчина. Я от тебя и не ждал другого решения. Однако в твоём назначении – твоя собственная заслуга. Я уже слышал от участников экспедиции немало лестных слов и о твоём характере, и о твоих профессиональных знаниях. Так что выбрали твою кандидатуру не случайно. Только смотри – не возгордись. Ладно, – сказал он, помолчав, – на разговоры у нас с тобой ещё будет время, а сейчас быстренько разыщи Буравика, ты с ним уже знаком, и готовь списки медицинского имущества на станцию.

Абрам Григорьевич Буравик, главный спец по медснабжению, уже ожидал меня в своём крохотном кабинете под лестницей. Маленький, сухонький, с копной седых волос, он, несмотря на свой почтенный возраст, прямо лучился энергией.

Мы притулились с ним за столиком и принялись за работу. Список получился длиннющий. Чего там только не было – и медикаменты, и инструментарий, и перевязочные материалы, и всякие там грелки, клизмы. Список завершал большой хирургический набор (а вдруг придётся делать операцию?). Буравик обещал, что «кровь из носа», но через три дня всё будет получено и доставлено в МАГОН – Московскую авиагруппу особого назначения.

Мы бы, наверно, просидели ещё не один час, уточняя и утрясая список, но нашу кипучую деятельность прервал телефонный звонок.

– Доктор, – раздался в телефонной трубке бойкий голос Ольхиной, – быстренько к Кузнецову на совещание.

Кабинет начальника Главсевморпути генерал-лейтенанта авиации А.А. Кузнецова был полон народу. Здесь собрались все главные участники предстоящей операции – лётчики, штурманы, руководители отделов ГУСМП. Лица большинства присутствующих мне были хорошо знакомы по прошлым экспедициям.

– Все прибыли? – спросил Кузнецов.

– Так точно, – отрапортовал Водопьянов.

– Тогда начнём совещание. Ваша задача – обеспечить Сомова на зимний период дрейфа всем необходимым: продовольствием, газом, бензином, научным оборудованием. Кроме того, вы произведёте замену части личного состава станции и семь человек вывезете на материк. Вместо них доставите двух новых зимовщиков – врача Воловича и гео- физика Миляева.

В операции участвует отряд из трёх машин: Си-47 – командир Б.С. Осипов, Ли-2 – командир М.А. Титлов и Пе-8 – командир В.Н. Задков.

Общее руководство операцией возлагаю на М.В. Водопьянова. Вылет из Москвы Осипова и Титлова назначен на 13 октября. Задков пойдёт позже и догонит вас на Шмидте. Хочу ещё раз всем напомнить о чрезвычайной секретности операции. Если вопросов нет – все свободны.

Мы гуськом покинули начальственный кабинет. Времени оставалось в обрез, но трудности состояли в том, что станция была «ужасно засекреченной» и о её существовании знал лишь ограниченный круг лиц даже в самом Главсевморпути. Нашим эмиссарам то и дело приходилось выслушивать вопросы: а зачем? а кому? а куда? На которые приходилось отвечать лишь пожатием плеча да ссылками на повеление начальства.

Наконец под вечер 12 октября автобус и грузовик, загруженные «под завязку», прибыли в Захарково. Первым делом я помчался в первый отдел (так именовался секретный отдел во многих учреждениях) узнать, как обстоят дела с моими кольцами.

– Привет, доктор, – сказал начальник отдела, сухощавый, с бес- цветным лицом и залитыми назад редкими тёмными волосами, одетый в принятую для сотрудников спецчасти полувоенную форму. – Твой груз уже третий день как доставили.

Он поставил на тумбочку аккуратно сбитый зелёный ящик, во- оружился отвёрткой и ловким движением сорвал пломбы.

– Любишься своим хозяйством, – сказал он, освобождая от промасленной бумаги лежавший сверху пистолет.

Я так и ахнул: вместо предмета моих романтических грёз, сверкающего воронёной сталью и отливающего чернью барабана кольца, в руках у начальника спецотдела оказался пистолет, похожий на обыкновенный армейский ТТ. Не заметив моего разочарования, начальник тщательно обтёр пистолет ветошью и, примерив по руке, уважительно сказал:

– Хорошая машина. С такой не только на медведя, на мамонта можно ходить. А вот в этой «цинке» – две сотни патронов. Вот только с кобурами промашка вышла. Не подвезли. Но

ты не беспокойся. Я по нашей линии уже дал команду в Тикси. Там пошьют кобуры. Ну, до завтра, – добавил он. – Всё это хозяйство загрузим на борт Титлову.

И вдруг он подошёл ко мне, обнял и сказал:

– Желаю удачи, доктор. Чтобы льдина не лопалась и больных было поменьше.

Теперь оставалось только получить полярные шмотки. Я отправился на вещевой склад, и скоро облезший брезентовый мешок наполнился пахнущим нафталином обмундированием.

Я сменил модные полуботинки на меховые сапоги, нахлобучил пыжиковую шапку, набросил на плечи меховой «реглан» цвета разведённого какао, называющийся почему-то «французенкой», и поволок полученное добро в красный уголок. Устроившись в кресле, я извлёк из кармана после долгих поисков трубку «Данхилл», набил её пахнущим мёдом табаком «Золотое руно» и закурил. Синие кольца дыма поплыли к потолку. До отлёта оставалось ещё часов десять, так что надо было набраться терпения, которое, по словам великого Нансена, является «величайшей добродетелью полярника». Устроившись поудобнее, я накрылся «французенкой» и задремал.

Ночью я несколько раз подбегал к окну: как там погода? Ведь понедельник, да ещё 13-е число, по мнению многих лётчиков, не самый удачный день для вылета. Но в Арктике, видимо, жили по другим законам, и мы, невзирая на столь неблагоприятное сочетание, покинули без помех московский аэродром, а через шесть часов благополучно приземлились в Архангельске на Кегострове. Переночевав, самолёты взяли курс на восток: Амдерма, Косистый, Хатанга, Тикси. Здесь мы задержались на двое суток: надо было получить продовольствие. Вскоре грузовые кабины заполнили десятки оленьих туш, банки с пельменями, изготовленными руками жён тиксинских старожилов. Перед самым отлётом на собачьей упряжке подкатил укутанный до бровей красный молодец и обрадовал нас несколькими мешками свежего картофеля, тщательно укутанными в старые ватные одеяла, и ящиком репчатого лука.

Местный «особист» вручил мне пакет с одиннадцатью брезентовыми кобурами, одну из которых я мигом приобщил к делу, привесив к поясу. Ещё одна посадка в Певеке, беспокойная ночь, проведённая в борьбе с голодными клопами. Последний перелёт, и вот самолётные лыжи скользят по обледенелому полю аэродрома на мысе Шмидта. Здесь царит настоящая зима. Одноэтажные домики посёлка до самых крыш заметены снегом. По широким улицам гуляет позёмка. Двадцатиградусный мороз с непривычки безжалостно кусает щёки и нос, заставляя кутаться в шарф. Чувствуется приближение полярной ночи, уже окутавшей посёлок серыми сумерками.

Разместившись в скромном домике аэродромной гостиницы, все, наскоро пообедав, собрались на командном пункте аэродрома.

– Работать будем по следующему плану, – сказал Водопьянов. – Первыми к Сомову пойдут Осипов с Титловым. С ними полечу я, Алексей Фёдорович (Трёшников. – В.В.) и Миляев. Обратным рейсом захватим зимовщиков, завершивших работы на станции. Доктор остаётся на Шмидте и проследит за сохранностью грузов. Завтра вторым рейсом отправим его тоже на льдину. Как только машины будут готовы – вылетаем.

25 октября в 11 часов по Москве все – и улетающие, и провожающие – собрались на аэродромном поле. Перед самой посадкой в самолёт Трёшников вдруг отозвал меня в сторону и, закрываясь от пронизывающего ветра, сказал:

– Вот что, Виталий, хочу с тобой посоветоваться как с врачом по одному деликатному вопросу.

– Слушаю вас внимательно, Алексей Фёдорович.

Трёшников на минуту задумался.

– Дело вот ведь какое. У Михал Михалыча незадолго до нашего отлёта умер отец. У меня в кармане письмо Серафимы Григорьевны (жена Сомова. – В.В.) с этим печальным известием.

Я вот всё голову ломаю – отдать письмо или не отдать. Зимовать в полярную ночь с такой тяжестью на сердце – это огромное испытание.

– Лучше не отдавать, – сказал я, подумав. – Как он перенесёт, не сорвётся ли?

– Да нет, не сорвётся. Я Михал Михалыча давно и хорошо знаю. Человек он крепкий. Выдюжит. Но я всё же ещё подумаю. А за совет спасибо.

Трёшников натянул поглубже капюшон меховой куртки, и его грузная фигура исчезла в просвете самолётной дверцы.

Ровно в 12 часов самолёты один за другим поднялись в воздух и вскоре растворились в сумерках наступающей полярной ночи. Я медленно поплёлся в аэродромную гостиницу, закрываясь от резких порывов ветра. Значит, ещё одна ночь ожидания.

Но ни я, ни оставшийся экипаж Пе-8 предположить не могли, сколь горький сюрприз преподнесёт нам судьба.

Время шло к ужину, когда дверь моей комнаты распахнулась и на пороге возникла заснеженная фигура штурмана Николая Зубова.

Запыхавшись от быстрого бега, он, едва переведя дыхание, выпалил охрипшим от мороза и волнения голосом:

– Беда приключилась, доктор! Давай скорей на КП. От Бармалея (это была кличка лётчика Титлова) радиограмма. Лёша Чельшев (радист Титлова) отстучал 25–25 – «Имею на борту раненых и больных». Осипов разбился.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.